

Варвара Ухорская

ЖЕНИХ 2.0

16+

Варвара Ухорская

Жених 2.0

«Автор»

2018

Ухорская В. Л.

Жених 2.0 / В. Л. Ухорская — «Автор», 2018

Наташа - амбициозная девушка: если работа, то высокооплачиваемая, если машина, то иномарка, если муж, то самый лучший! Только вот ее тюфяк-жених Боря подкачал. Девушка чуть не совершает ошибку и не выходит за него замуж, но таинственный фотограф открывает ей завесу будущего и Наташа кардинально меняет свою жизнь. Она сбегает со свадьбы и отправляется на встречу своей судьбе. Только вот чем обернется для Наташи это путешествие?.. В оформление обложки использовано авторское изображение, созданное специально для этой книги.

© Ухорская В. Л., 2018

© Автор, 2018

Содержание

ЖЕНИХ 2.0	5
Глава 1	6
Глава 2	25
Глава 3	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

ЖЕНИХ 2.0

Варвара Ухорская

Глава 1

Засыпая, Наташа любила прокручивать в голове – неважно, что: последний просмотренный фильм, недавнюю встречу, деловой разговор, свое будущее выступление на презентации или даже благодарственную речь, которую она произнесёт, когда получит какой-нибудь дизайнерский Оскар... Перед мысленным взором мелькали картинки. Ну да, она же дизайнер, вот и мыслит образами.

Заснуть перед свадьбой она пыталась точно так же: вот сейчас начнётся её собственное, персональное кино, и она не заметит, как очутится уже в прекрасном «завтра», в платье, которое сейчас белеет в темноте, как привидение... Свадебное платье она в шкаф, конечно, убирать не стала, повесила к рожку люстры, чтобы не помять и сохранить первозданную пышность юбки... Платье прекрасной принцессы, кипельно белое... оно как будто создано для того, чтобы рекламировать супер-эффективный отбеливающий порошок... Только – вот ведь какое дело, эти платья – стирай, не стирай – никто не собирается надевать второй раз... В уплывающем в сон сознании на удивление чётко выстроился визуальный ряд:

Ярко, гламурно, замедленно.

Невеста, в белоснежном платье и фате, рука об руку с Женихом, под звуки марша Мендельсона, идёт в безоблачную даль по воде, он и она, легкие, невесомые.

Крупный план: Она смотрит на него – в ее взгляде отражен весь спектр сильных и страстных чувств: восхищение, торжество, нежность и преданность.

И вот молодые уже за праздничным столом – так же смотрят друг на друга, сливаются в поцелуе под истошные вопли гостей: “Горько!”

Голос за кадром: – Свадьба – событие веселое, торжественное, чреватое всякими неожиданностями...

Невеста, раскрасневшаяся и смущенная после поцелуя, садится, поправляя платье, и на нее обрушивается целый водопад шампанского, открытого тоже смущенным и неловким Женихом.

Поставив бутылку на стол, Жених пытается исправить положение, угостив новобрачную селедкой под шубой – и, конечно, селедка, а в особенности – свекольная шуба оказывается на платье.

И вот уже расшалившийся от неумеренных возлияний гость игриво целится куском торта с кремом в невестину подружку, промахивается – и жирная зеленая кремовая роза лягушкой сползает по платью Невесты. Платье уже трудно назвать белоснежным.

Голос за кадром: – Попробуйте наш стиральный порошок, и вы можете использовать ваше свадебное платье дважды!... (Невеста снова под марш Мендельсона идет по воде, с другим женихом)... – Трижды! ... (и снова она идет, и снова – с другим.) ... Столько раз, сколько вы захотите! Вы заметите различие с обычным порошком уже после пяти стирок!

А что, креативненько! Сон как рукой сняло, Наташа в темноте села на кровати, нащупала на тумбочке телефон и привычно защелкала кнопками. Ну да, она поставила себе за правило держать под рукой ручку и блокнот. Известно: все великие люди в любое время дня и ночи записывали всё, что приходит в голову. Никогда не знаешь, какая идея потом придется и выстрелит! А теперь всегда под рукой телефон, вместо блокнота. Наташа вспомнила историю о сценаристе, который вот так же пытался поймать удачу за хвост во сне, вдруг да приснится что-нибудь гениальное, как Менделееву! – и всегда держал у кровати наготове карандаш и бумагу. И вот однажды ночью свершилось! Гениальная мысль-таки явилась, и он успел ее записать. Заснул, практически чувствуя себя великим и опытным лаврами... Просыпается, читает, а в блокноте написано корявыми сонными буквами «парень встретил

девушку, и они полюбили друг друга»... Ха-ха-ха. Что бы потом не чувствовать себя такой же душой, нужно перечитать написанное. Наташа включила свет, просмотрела только что сделанную запись. Неплохо. Покажу Борьке, он ведь, молодец какой! – уже два рекламных ролика снял, наверное, знает, кому можно предложить... А не знает – так узнает, для нее расстареется... Да, не о том она думает перед свадьбой, не о том. Не осознает торжественность момента. Честно говоря, это даже цинично: перед собственной свадьбой представлять многоцветное подвенечное платье! Наташа погасила свет.

Телефон в руках зажуужжал. Конечно, Борька! Наташа прекратила сияние и жуужжание нажатием кнопки:

– Привет! Нет, еще не сплю, пытаюсь. Да нет, не боюсь, а ты как? Ну и молодец! До завтра! Я тебя тоже!

Какой-то дежурный разговор получился, как будто она и не влюблена в Борьку больше. Но ведь это не так! Просто с ним очень все складно, спокойно и равномерно получается: познакомились, когда поступили в институт, начали встречаться на втором курсе, потом – квартиру вместе снимали, теперь вот – женятся... Все, как по нотам, как по лесенке, со ступеньки на ступеньку... Вот сегодня в последний раз в своей старой комнате в общежитье переночует – и назавтра перестанет быть Натальей Ермаковой, как привыкла с детства, а станет Натальей Ковалёвой. Борька не хотел отпускать ее на ночёвку в общагу, и плевать на обычаи, но девчонки настояли. Последний вечер перед свадьбой провести по-девичьи. Хотя и девичника-то никакого особого не было. Так, мечами помахали, как обычно.

Наташа улыбнулась в темноте: все-таки здорово, что они не просто подружки со Светкой и Ленкой, они – одноклубницы. Уже четыре года занимаются кендо. Никто и слова такого не знает, а они – уже разрядницы. Клуб прямо рядом с институтом открылся, вот так зашли из любопытства – и затянуло. Наташа так любила всё, что связано с кендо. И занятия – перед началом поединков тренер всегда рассказывал какую-нибудь притчу, даже каллиграфии их, новичков, обучал... И сами поединки, когда обычная скорость реакции в какой-то момент боя переходит уже в иное качество – предвидение, ускользание, избегание, как будто двигаешься наперегонки со временем...

Но с кендо покончено. Так она решила: сегодня, на девичнике перед свадьбой, Наташа провела свой последний бой. Даже меч Ленке отдала, знатный меч, тренер из Японии привёз. Девчонки не поверили сначала, потом обиделись: ты нас предаёшь, от себя отказываешься! Но это всё ерунда, обидки детские. Сейчас начнётся взрослая жизнь, работа, семья... А уж как Ленка подаренному мечу обрадовалась! Поверить не могла!

Наташа вспомнила, как подняла меч, в последний раз полосуя воздух. Вжик, вжик, вжик – настоящий мастер должен уметь с такой скоростью крутить мечом над головой, чтобы остаться сухим под дождём, отсекая от себя все капли. Вот так сегодня она и поработала мечом, всласть, на всю оставшуюся жизнь: вжик, вжик, вжик... Словно отсекала прошлое – детство, юность, всё, что было. Так увлеклась, что не заметила приближения жениха. Зато тётя Маши заметила!

При воспоминании о тётя Маше спать вообще расхотелось. Вот ведь, вообще чужой человек, тётя Маши – комендант их общежития, работает здесь. А за эти годы стала как родная, любит их всех, девчонок, которые от мамы-папы уехали в большой город за мечтой, а жить самостоятельно ещё не больно-то умеют. Так тётя Маши их встречает в общаге, как добрая бабушка. Добрая, но строгая, спуска им не даёт, парней, которые к девчонкам шастают, тестирует, что твой детектор лжи. Может и сказать при случае: – Кать, ты этого Генку гони, на порог не пускай, не любит он тебя, я уж вижу! И правда ведь, видит!

По общаге легенды ходят, что комендантша никогда не ошибается, как скажет, так и будет, плачь, не плачь. Аж с восьмидесятых годов прошлого века тётя Маши свой пост занимает, и университет тогда по-другому назывался, да и страна тоже. А тётя Маши

стоит, как скала, защищает их, девчонок в большом городе, оберегает. А уж как замуж кто соберётся, так тётя Машиа сразу всю подготовку в свои руки берёт, никого не подпускает. Она, типа, обычаи знает, всякие традиции и обряды. Приметы там разные, припевы и при сказки. Говорит, что без обрядов этих свадьба будет неправильной, а семья несчастливой.

Да и не так уж много мороки с прибаутками свадебными, пускай, с ними как-то надёжнее. Так что сегодня вечером Наташа совсем не обиделась, когда тётя Машиа её к Боре не пустила. А ведь не пустила, увидела жениха первой, не иначе, как в засаде сидела, ждала, и дождалась: Боречка пришёл, чтобы ей, Наташе, невесте своей, пожелать спокойной ночи перед свадьбой. Так тётя Машиа коршуном кинулась ему наперерез, не ходи мол, к невесте, примета плохая. А саму Наташу девчонки, тёть-Машией подученные, затолкали в комнату, даже поздороваться не дали, хоть она и кричала: «Да мы ведь уже виделись сегодня!» – даже слушать не стали. Так жених и ушёл, не солоно хлебавши. Оставил у двери в спортзал цветы и плюшевого медвежонка. Милого и смешного. Как сам Борька! Вот он, медвежонок, тут, под рукой. Наташа погладила мягкую меховую спинку, вдохнула – медвежонок пах детством. Обняла его и заснула.

И уже в следующее мгновение – так ей показалось – пришлось проснуться: комната сотрясалась от страшного грохота и криков. Наташа подняла голову от подушки и увидела сияющий просвет между штор. Надо же, утро наступило, утро ее свадьбы! А стук в дверь и крики не утихали:

– Наташка, просытайся, а то на собственную свадьбу опоздаешь! – Ленкин голос из-за двери звучал не-по-утреннему уверенно и напористо, – гости тут тебя дожидаются! Открывай скорей!

Наташа, ещё полусонная и босоногая, подбежала к двери, распахнула... На пороге стояла Ленка, уже при параде и в полной боевой раскраске, а рядом с ней – невысокая брюнетка, чем-то неувлимо похожая на хозяйку комнаты.

– Женька! Женечка, как здорово, что ты приехала! Лен, познакомься, это моя сестра Женя.

В комнате сразу стало тесно: Наташа, Ленка, Женя и её огромный чемодан не уместились на небольшом свободном пространстве под люстрой. Ленка, то и дело натыкаясь на чемодан, деловито сновала от окна к шкафу, от кровати к двери, всё что-то убирала, прикалывала, подшивала – словом, старательно устраивала ту самую предсвадебную суету, без которой такое событие обходиться не должно. Она сообщила, что с Женей уже познакомилась, когда та появилась в общежитии, еще полтора часа назад...

– Поезд рано пришёл, – извиняясь, пожала плечами Женя, – попробовала толкнуться к сестре, но – не тут-то было.

– Пушкой не разбудишь! И это в ночь перед свадьбой, когда ты, Наташечка, должна вся трепетать в предожидании! – Ленка, услышав шум в коридоре, вышла, узнала, в чём дело и пригласила Женю к себе, чтобы дать новобрачной ещё немножко поспать.

– Но теперь действительно пора, надо собираться, нам же в ЗАГС к одиннадцати, а тебя еще будем красить, причёсывать, так что давайте, девчонки, не тормозите! – это Таня присоединилась к компании, нарядная и благоухающая, готовая хоть сейчас проводить подружку под венец.

И вот теперь все они кружили по небольшой комнате и наталкивались на Женин чемодан, задевали его, спотыкались, пока Ленка не схватила этого монстра и не начала прилаживать где-то под потолком на антресолях у двери. Чемодан, подтвердив свою злобную сущность, выскользнул и упал бы на головы Жени и Тани, если бы Наташа на лету не ухватила его за ручку... и не поставила на пол. Со второй попытки чемодан все-таки унездилился в надлежащем месте, и суета немного отступила. Женя вдруг заметила, что до сих пор держит в руках букет – подарок невесте.

– Наташка, поздравляю, это тебе! – протянула она цветы. – Жалко только, что мамы с папой не будет. Без них как-то не так.

Наташа взяла цветы и оглянулась в поисках вазы. Свободных ваз не было, зато вся комната утопала в цветах разной степени свежести. Женя проследила за её взглядом:

– Ого, прямо оранжерея! Все эти цветы тебе жених принёс?

За Наташу ответила Лена:

– Ага, каждый день тащит и тащит. Вот эти тюльпаны – вчера, лилии, ну и запах от них! – уже неделю стоят, а еще, гляди – нарциссы, ирисы, там, на окне, даже ветка орхидеи стоит.

– Любит, значит! – Наташа подошла к окну, погладила нежные, шёлковые лепестки орхидеи. Начало мая, уже совсем тепло, пусть будет больше солнца и света, а ну-ка, поднимем эту заскорузлую за зиму щекотку... Не поддается, но мы поднажмём! И вот уже окно открыто, и лёгкий ветерок, тёплый и свежий, влетает в комнату. Платье невесты под люстрой зашелестело кружевами и оборками, качнулось, невесомое, как будто оживая.

Наташа окинула взглядом знакомый пейзаж: двор, машины, напротив – крыльцо медицинского центра, кусты во дворе покрыты зелёным пухом. По бульвару, в створе двора, видно, как проехала поливальная машина: тепло, сухо, пыльно, сейчас эту пыль полют, прибьют и будет пахнуть летом. Так пахнет горячая мокрая пыль. Так пахнет лето, и праздник, и счастье. Скоро, скоро всё изменится, я выйду из дома такой красивой, ах, сейчас я наряжусь в это платье и весь мир будет лежать у моих ног!

– Наташка, ты заснула опять, что ли? Докричатся до тебя не можем! – Ленкин возглас вернул девушку в комнату к подругам. Цветы, у неё в руках цветы, Женин букет роз, надо поставить его в вазу к другим, прежним. Но прежние были тёмными, бордовыми, а эти – жёлто-розовые, чайные. Они ярко выделялись на фоне синей занавески.

– Ой, какие интересные! – Женя подошла к окну, взяла занавеску в руки, ощупывая мягкость и ворсистость ткани, проверяя, как драпируется и не пропускает ли свет. Наташины занавески из джинсы, все в заклёпках, отстрочке и карманах, действительно, заслуживали внимания.

– Никогда ничего подобного не видела!

– А это мой диплом, – Наташа с гордостью расправила занавеску и подвела сестру к дивану. – И вот ещё, смотри! И кресло тоже!

И диван, и кресло были обиты джинсовой тканью, с отстроченными карманами и молниями. Из кармана на диванном валике выглядывал краешек расчёски. Во всех остальных карманчиках тоже что-то лежало. Женя потрогала обивку на кресле, села, растянула молнию на подлокотнике, засунула руку внутрь и вынула – с уловом: пульт от телевизора. Удобно!

– Мягкая мебель двадцать первого века от Натальи Ермаковой? Здорово! Нужно родителям показать.

Наташа махнула рукой – вечно ты, Женька, без папы и мамы шагу ступить не можешь. Она, конечно, огорчалась, что придётся выходить замуж без родителей. Да и на защиту диплома через полтора месяца они, скорее всего, не придут. Родители Наташи и Жени были геологами и до сих пор вместе ходили в партии. По полгода дочек не видели! Но откладывать свадьбу до их возвращения Наташа не собиралась: пока их ждёшь, так и жизнь пройдёт.

– Я им кусочек ткани по почте pošлю, а всё вместе по скайпу покажу. А нашу свадьбу они на Ю-тьюбе посмотрят, когда мы видео выложим. А фотки на фейсбуке. Когда вернутся в зону уверенного приёма. А то ишляются, понимаешь, неизвестно где, когда дочь замуж выходит!

– А фотографа вы заказывали или кто-то свой снимать будет? – спросила Женя, рассматривая фотографию на стене. На фотографии Наташа бежала, смеясь, с венком в воло-

сах, в развивающемся платье... Ветер, энергия, движение, счастье, молодость – девушка на снимке была воплощением всего этого.

– Правильно мыслишь! – одобрительно заметила Таня. Она причёсывала Наташу перед зеркалом, а в зеркале видела и Женю, и фотографию.

– Эту фотку Боря сделал. Он же на операторском учится! Вот было бы здорово, если бы он мог Наташкину свадьбу снимать! Он же прирожденный фотохудожник!

– Только это ещё и его свадьба! – напомнила Наташа. – Так что снимать будет не он, а его друг и свидетель, свидетель жениха на свадьбе, Юрка. Но он тоже оператор, и тоже – хороший. Они с Борькой всегда соревнуются. Только бы камеру не забыли взять!

Девчонки снова углубились в приготовления: Таня завивала Наташе последние непослушные пряди в свадебной причёске, Лена наносила последние штрихи спонжиком и кисточкой на прекрасное лицо невесты, Женя быстро переодевалась в своё выходное платье, вместо дорожных джинсов и куртки. А под окном уже шуришали шины, хлопали дверцы машин, раздавались голоса – жених прибыл. Пусть подождёт, но поторопиться с выходом все-таки придётся.

Не прошло и получаса, как невеста в окружении подружек спустилась во двор. Свадебный кортеж стоял прямо у подъезда: черный и белый лимузины, жениха и невесты. Воздушные шарик парили над белой машиной, как маленькие разноцветные тучки. Девчонки обогнали Наташу, распахнули двери, и невеста шагнула из темноты дома на свет двора. Вздых восхищения пронёсся по толпе встречающих. А собралась уже толпа – из своих, общежитских, да мимо проходящие, да бабушки из соседнего дома – всем хотелось посмотреть на свадьбу.

Ну что ж, любопытные остались довольны: в ожидание невесты команда жениха успела подготовиться, как надо. На ручке двери, привязанная, рвалась улететь первая гроздь шариков, недалёкий путь от подъезда до машины устилала лепестки алых роз, а асфальт вокруг украшали многочисленные, нарисованные разноцветными мелками, сердечки. Всё это, в сочетании с голубым небом и первыми листочками, которые как раз сегодня покрыли все деревья и кусты во дворе нежной зелёной дымкой, создавало настроение возвышенное и счастливое.

Наташа ощутила его всем сердцем, как только вышла за порог родного общежития. И услышала восхищенный возглас встречающих. Знакомые кричали: будь счастлива, Наташка! Девчонки подбегали, чтобы шепнуть «какая ты красивая, а платье, а фата какая!» Церемонный Юрка Хрусталева, друг и свидетель жениха, в шикарном костюме, подошёл важно с бокалом – сейчас шампанское откроем и выпьем за праздник, на дорожку!

– А жених, жених-то где? – это тётя Маша своим рассудительным баском наводит порядок. – Без жениха нельзя. Пусть из ее туфли выпьет!

Жених, Борька, действительно затерялся в толпе, потому что до сих пор продолжает писать белым мелом на асфальте, в самом большом сердце: «Наташа, я тебя люблю!»

И расположился-то он совсем рядом с подъездом, чтобы любимая вышла и сразу заметила. Но пока что всей своей немаленькой фигурой он загоразживал надпись, а любимая искала его глазами и не находила, потому что, сидя на корточках, он всё-таки стал вдвое меньше своего обычного богатёрского роста. Отсутствие жениха на первом плане немного обескуражило Наташу. Как всегда, подумала она, какая-то ерунда, зачем я вообще вышла... То есть надо было его там, наверху, ждать. Жених, наконец, распрямился, заметив всеобщее оживление, увидел Наташу, просиял и бросился к ней, протягивая испачканные мелом руки. Меловые пятна наблюдались и на брюках. И на пиджаке.

– Наташенька, милая, здравствуй! – Боря поднял невесту на руки, закружил и понёс было к машине, но не удержался на последней ступеньке лестницы, спотыкнулся неловко, сделал ногами невероятный крендель и... выпустил Наташу из рук. Она просто выскользнула

и встала на ноги. Ничего не случилось. Всё в порядке. Женя уже стояла рядом и поправляла ей фату. Боря виновато пожимал плечами, заглядывал в глаза:

– Ты не обиделась? Я просто весь взвинченный сегодня, всё валится из рук, волнуюсь, что ли?

Наташа поцеловала увальня, стряхнула с него мел (вот ведь, додумался в свадебном костюме мелом на асфальте рисовать!) и взгляделась пристально в лицо жениха. Здорово, что он такой высокий и крепкий, рядом с ним чувствуешь себя ещё более хрупкой и изящной. А то, что неуклюжий и растяпа, так это даже мило. Он милый!

Наташа решительным шагом двинулась к машине, но тут толпу раздвинула тетя Машиа, которая настроилась провести весь предсвадебный ритуал, как полагается. Или хотя бы часть ритуала. Ну, хоть что-нибудь! – Да что вы, как нелюди! А кто невесту пропивать будет? Ты должен выпить из ее тифельки! Эй, шафер, где твоё шампанское?

Боря остановился, не зная, что делать, точнее, готовый без раздумий делать то, что ему сказали. Он только ждал, когда Наташа снимет тифельку.

– Давай, я тебя подержу!

– Да не будет он пить! – Наташа разозлилась. – Что за дикость! Поехали!

И первая залезла в машину.

– А фотографироваться?

Тётя Машиа не унималась со своими традициями, влезла по пояс в салон, полная решимости хоть силой вытащить Наташу наружу, чтобы сделать канонический кадр.

– Конечно, последний снимок на фоне родного дома. Вы сюда ведь не вернётесь.

Пришлось вылезать.

– И правда, не вернёмся, поедem сразу в новую квартиру, свою. Нам Борины родители в ипотеке первый взнос подарили. А дальше самим придётся!

А тётя Машиа уже деловито выстраивала гостей и друзей на фоне потрескавшихся старых стен. Эх, сколько здесь было прожито, выучено, нарисовано, проплакано! Действительно, пусть будет такая фотография. И вообще, ведь собирались каждый шаг запечатлеть, еще с момента сборов и причёсок! Наташа увидела, что на Юрке нет фотоаппарата. Не болтается на плече или на шее знакомый объектив на широком красном ремне. Значит, Боря его еще не достал, ведь договорились снимать его камерой.

– Наташ, прости, фотик мне не вернули, а Юрке я сказать забыл!

Тут Юрка начал долго и сумбурно рассказывать о том, что Славка Нечаев взял у Бори камеру на этюды, на озёра, клятвенно обещал отдать еще в понедельник, но что-то там не срослось и они до сих пор не вернулись...

– Ладно, Юрка, чего там... – перебил Боря, – это я виноват. Забыл я.

Наташа поджала губы. Нелзя. Помада размажется. Женя погладила ее по руке – успокойся, дорогая, ничего же страшного не случилось. Подошла к Боре, погладила по руке и его.

– Не переживай! В ЗАГСе всегда есть свои фотографы. А ты, Наташ, не обижайся на него из-за пустяков. Боречка, вы не бойтесь ее, это она с виду такая суровая. На самом деле она вас очень любит. И я ее понимаю. Ой, я вообще-то Женя, Наташина сестра.

Наташа не стала дослушивать Жениных сюсюканий и села в машину. Рядом с ней с одной стороны примостилась Таня, с другой – Лена, а Женя – на переднее сидение, но дверцу не закрыла, потому что Боря до сих пор оправдывался. Договаривал Жене то, что не захотела слушать Наташа. Не хотела, но краем уха слышала:

– Спасибо, Женечка, за братскую помощь. Почему-то я действительно чувствую себя сегодня как последний дурак. Как...

– Слон в посудной лавке? – весело подсказывала Женя

– Как медведь на свадьбе! Наташа, не сердись!

Последние слова он крикнул вглубь салона, закрыл Женину дверцу и пошёл к своему чёрному лимузину. Тётя Машиа от подъезда общезжития махала отъезжающим:

– Совет да любовь! Не ссорьтесь, детки!

И, когда свадебный кортеж, наконец, тронулся, долго глядела вслед, бурча себе под нос: – Ох, в мае жениться – всю жизнь маяться. Тьфу, тьфу, тьфу, чтобы не сглазить!

В зеркалах в холле ЗАГСа Наташа с трудом различала себя в кремово-кружевной толпе невест. Женихи в строгих темных костюмах в этом розарию терялись, взгляд на них не застревал и зеркала их как будто не отражали. Невесты, невесты, кругом одни невесты. И Наташа – одна из них. Со злым бледным лицом. Самая злая невеста. Злая, и от этого некрасивая. «Ещё не поженились даже, а я уже злюсь, злюсь», – Наташа была недовольна собой, своим лицом, своим настроением, но еще больше – своим нерадивым женихом.

Конечно же, когда они подъехали к ЗАГСу, его здесь не было. Наташу никто не встретил, никто не подал ей руку, чтобы помочь выйти из машины, никто не распахнул перед ней тяжёлые дубовые двери, пришлось самой что есть мочи тянуть за бронзовую блестящую ручку, отполированную тысячами рук других, не её, женихов. Которые приходили сюда вместе со своими невестами.

Куда же делась черная машина? Из двора они выехали в правильном порядке: сначала жених с друзьями, затем – она с подружками. Но где-то на светофоре поравнялись, а на следующем и потерялись. Тут и ехать-то пятнадцать минут, и пробок никаких, май, суббота, все на дачах. Наташа с подружками, прорубая дорогу в толпе, добрались до Зала Торжественных Событий – так гласила надпись на двери, из-за которой доносились звуки Марша Мендельсона. Вероятно, это здесь? Наташа ведь до сих пор никогда не была в парадной части ЗАГСа, только в деловой, когда подавали заявление. Из всех подруг она первой выходит замуж. Наташа стояла у колонны маяком, чтобы Боря заметил, как только войдёт. Если его действительно здесь нет, а вдруг он приехал первым и пришёл напрямик сюда, очередь занял? Девчонки побежали осматривать холл – вдруг жених найдётся?

– Для бракосочетания приглашаются Ковалёв Борис Андреевич и Ермакова Наталья Владимировна! Гости, не торопитесь, только после жениха и невесты!

Наташа, высматривая Борю, не заметила, как в центре зала оказалась женищина с цепью и гербом на груди. Это она вызывала брачующихся пройти, так сказать, к алтарю.

– Есть такие? – женищина заглянула в папку, прочитала ещё раз, – Ковалёв и Ермакова? Или раздумали?

Наташе пришлось сделать шаг вперёд.

– Не раздумали вроде. Я – Ермакова.

Толпа расступилась, образовав круг на паркете. И в центре этого круга стояла Наташа, лицом к лицу с женщиной распорядительницей, которая продолжала заседать:

– Ермакова? А где же ваш Ковалёв?

Наташа пожала плечами. Чёрт, неудобно-то как. И мобильника нет под рукой, чтобы Борьку тут же, немедленно набрать. Мобильник в сумке, а сумка – у Жени, чтобы не портить свадебный наряд ненужными аксессуарами. Растерянность разодетой для праздника невесты веселила публику.

– Эй, невеста, где жениха потеряла? – выкрикнул девичий голос, зычный, прямо под гармошку петь таким.

– А что, если я за него буду? За этого, за Ковалёва? Ничего, подойду? – это уже мужской баритон, чей-то гость, наверное, не жених, жених так шутить не будет, можно и схлопотать от невесты своей. Наташа пыталась улыбнуться шутникам, но, вероятно, получилось плохо, потому что следующий возглас уже ставил диагноз ситуации:

– Да он сбежал, не иначе, девка-то вон как зыркает! Того гляди, прожжёт дырку! У такой не забалуешь!

– Нет его нигде, – это Таня отчитывалась, запыхавшись. – Мы везде были. Ленка даже в мужском туалете искала! – Таня захихикала, не обращая внимание на то, что творится вокруг. Сама Лена излучала мрачность под стать Наташе и отчитываться о состоянии мужского туалета не захотела. А вот догнавшая девочек Женя нисколько не была ни рассержена, ни растеряна. Ей достались цветы всех девочек, три тяжелых букета, и она несла их бережно и спокойно, зная, что делает нужное дело и цветы здесь – самое важное. Паузу прервала женщина-распорядитель:

– Ладно, разбирайтесь тут пока.... – и снова заглянула в свои бумаги. – Для бракосочетания приглашаются Грибулин Александр Романович и Сокова Людмила Ивановна. Приготовиться!

Из массы кружева и шёлка отделилась Сокова, оказавшись мелкой и кудрявой, как болонка. Шагнула навстречу своему Грибулину – длинному, нескладному парню. Вот сейчас они возьмутся за руки и войдут под своды Зала Торжественных Событий, чтобы стать, наконец, мужем и женой. Они станут мужем и женой вместо нас! – Наташа не успела додумать эту грустную мысль, потому что с другой стороны зала, как раз из-за спины без пяти минут молодожёнов Грибулина и Соковой, через толпу пробирался ... да что там! Разрезал, расшвыривал толпу, дробил ее на части, на молекулы и атомы, иквал и ураган. Это Боря пробивал себе путь к невесте.

Он увидел Наташу и устранил последнее препятствие – Грибулина, да так, что тот согнулся пополам от неловкого удара локтем в живот. Следующим движением Борис немолимо должен был смести с пути и Сокову, но та уже осознала опасность и успела запрыгнуть в стоящую рядом огромную кадку с пальмой. Повезло ей, что такая маленькая болоночка! – Наташа в этой ситуации почему-то гораздо сильнее сочувствовала Соковой и Грибулиной, чем радовалась на свой счёт, что к ней, наконец-то, присоединился жених. Посмотрите только на него! Галстук сбит на бок, очки сидят косо... Зачем он вообще их надел? Ведь гораздо лучше выглядит без них. Рубашка спереди почти вылезла из брюк. Жених!

А Боря не знал, к кому бросаться первым: конечно, к Наташе! Но рядом нуждались в помощи поверженные им Грибулина и Соков. Нет, любовь взяла верх над благородством – Боря выбрал Наташу:

– Милая моя, ты тут стоишь одна, как, наша очередь ещё не прошла?

Боря сгрёб ее в охапку, поцеловал и, не отпуская, побежал на помощь пострадавшим: подал руку присевшему у стеночки Грибулину... достал из кадки притихшую Сокову. Извинялся и расшаркивался, бил себя пяткой в грудь и порвал бы на груди рубаху, да Наташа не дала. Ладно, бывает. Ребята простили. Даже номерами телефонов с Борей обменялись. Ровное движение конвейера брачующихся застопорилось было, но вот всё пошло своим чередом: Грибулин и Сокова со своими гостями скрылись за дверью Зала Торжественных Событий. И борькино опоздание объяснилось: действительно, уважительная причина, хотя, боже мой, как некстати:

– Прости, дорогая, я опоздал, – слова вываливались из его рта, обгоняя друг друга, так, что трудно было понять, – лопнуло колесо, представляешь? Пока вызвали такси – я никак не мог объяснить, где мы находимся, пока новая машина пришла...

У свадебной машины лопнуло колесо. Бывает же такое! Вот и Юрка, догнавший Борю, подтверждает, поддакивает и цокает языком. Юрка подошёл позже, зато вида не потерял: такой подтянутый, причёсанный, благоухает парфюмом, а не потом. Галантный кавалер, что тут скажешь! Это у человека в крови. Юрка такой. А вот Боря – не такой. Но это ведь не главное!

– А позвонить – никак нельзя было? – Наташа задаёт вопрос, заранее зная ответ. Отвечает – Юрий:

– У него разрядился, я свой забыл, у шофера – не поверишь! – деньги кончились. Как на зло!

И это случается. Только с нами почему-то всё чаще и чаще. Но Боря всегда умеет всё исправить, и телефон он уже зарядил, в машине, пока ждали другую. Ведь у него зарядка всегда с собой, вот какой он молодец!

– Наташ, ну скажи, что я молодец!

И Наташа сказала Боре – то, что он хотел услышать:

– Ты – гений. Эйнштейн отдыхает! – И то, чего он слышать не очень хотел:

– Ну вот, теперь этих Грибулиных ждать! Да что там Грибулины – придется пропустить еще пары три – пока ты будешь причёсываться и чистить ботинки, – Наташа посмотрела на Борю через камеру мобильного телефона, чтобы сделать снимок жениха – вот такого, милого недотёпы. Изображение в кадре ей не понравилось и щёлкать она не стала, продолжая говорить Боре то, чего слышать он не хотел совсем:

– Пиджак можно не гладить. Все равно ты же опять его помнешь, так чего зря время терять!

Юрка, как настоящий шафер, на котором лежала ответственность за то, чтобы свадьба состоялась, попытался сгладить ситуацию:

– Чтобы не терять напрасно времени, предлагаю выпить за счастливое воссоединение молодых перед алтарем, вопреки проискам злобных сил!

И, жестом фокусника, шафер достал из-за спины бутылку шампанского, протянул ее Боре, а сам вытащил из кармана стаканчики и раздал дамам. Нелегкая обязанность открыть бутылку досталась жениху напрасно. Не сегодня! Не его день. Хотя, казалось бы, как раз его... Нет, пробка не разбила люстру, не попала в глаз одному из женихов, не стала причиной скандала. Но тугая пенная струя, вырвавшись из бутылки, взвилась к потолку и опала прямо на невесту. На её тщательно уложенную причёску. И тщательно накрашенное лицо.

Все засмеялись. Кроме Наташи. Ей уже было не до смеха. На платье! Дорогушем и стильном, из плотного жаккарда, сейчас расплывётся пятно прямо на лифе... Наташа не могла видеть, как оно расплывается, но прямо почувствовала кожей щупальца влажного и липкого шампанского осьминога. Зато подол она видела. Безобразно! На ткани, которая только что была атласно-гладкой, под пенным следом веселящей струи морщатся бугристые дорожки. Вот сейчас раздастся первое:

– Ничего страшного! Совсем не видно! Не обращай внимания на эту ерунду!

Но Наташа не могла больше слушать утешения, разрастающиеся в этот день, как снежный ком. Хватит!

– Ну вот, теперь и мне нужно гладить платье. И косметика наверняка размазалась. Спасибо тебе, любимый! Семейная жизнь заладилась с самого начала! Я пошла! Может, фен найду или утюг.

– Да не парься ты! Подумаешь, на пять минут позже окольцуетесь, – это с добрым словом выступила Ленка. И когда ей уже надоест проявлять участие?

Протискиваясь между счастливыми невестами и женихами, Наташа вдруг подумала, что в этом просторном, высоком, светлом зале с зеркальными стенами так здорово было бы устроить... бой! Она представила себя в спортивном костюме, с мечом в руках, уверенную, стремительную, счастливую... «А сейчас я что, не счастливая?» На этот вопрос отвечать себе не хотелось, и она вышла из зала. Где-то далеко за ее спиной тихий Женин голос примирительно ворковал:

– Пусть пока Юра с девочками выпьет за здоровье молодых, а молодые как раз успеют привести себя в божеский вид.

– Пойдем, Наташ, я тебе помогу, – Женя с Борей пробирались вслед за Наташей.

Сестра взяла ее за руку и потащила к дамской комнате. Боря исчез в противоположном направлении.

– Я ему расческу дала. Он так растрепался, а расческу забыл. Какие же они непрактичные, эти мужчины!

В туалете было тихо и пусто. И – о, чудо! – здесь был фен на длинном, скрученном пружиной, проводе. Дотянется и до груди, и до подола. Теперь главное, чтобы ткань восстановила прежний облик. Наташа и Женя, каждая, взяла по фену, и принялись сушить платье и фату. В зеркало на себя Наташа старалась не смотреть: лицо злое, косметика поплыла от жары и волнений, а слова, которые как будто сами по себе вырывались изо рта, тоже выражения лица не облагораживали.

– Господи, и это – мужчина, муж, надежда и опора, поддержка в трудную минуту! Да он всю мою жизнь превратит в одну трудную минуту – и сам того не заметит!

– Наташенька, ты волнуешься, это абсолютно естественно, в такой день... Но не нужно преувеличивать Боречкины недостатки... Он так же переживает, как и ты, бедненький. Вот и совершает ... промахи. А на самом деле он – большой, сильный и красивый. Настоящий мужчина. Я бы лучшего и не желала.

Наташа внимательно посмотрела на сестру. Что, ей в самом деле Борька понравился, или она просто утешает и поддерживает, как всегда? Ерунда! Женька впервые увидела жениха сестры только сегодня, как раз тогда, когда его косяки превосходят всякие мыслимые пределы! Как это Женька мягко так сказала? «Промахи»! Да он же настоящий тюфяк, Борька. Тюлень! Валенок!

Наташа повесила фен на место. Он своё дело сделал. Платье высохло, какая-то бугристость под пальцами ощущается, но, если не знать, вроде никаких следов не видно. Так, теперь надо с косметикой разобраться. Наташа залезла в свою сумку, которую так любезно взялась носить с собой Женя, достала салфетки, пуховки, кисточки и ликвидировала ущерб: из зеркала на неё вновь смотрела нежная фея, прекрасная и достойная самого лучшего. Внезапно рядом с этой феей Наташа представила Бориса: запыхавшегося, растрёпанного, в криво сидящем пиджаке, из-под которого торчит вылезшая из брюк рубашка.

– И ведь, того гляди, ещё и на ногу наступит! – произнесла она, как оказалось, вслух. Женя вздрогнула и с недоумением уставилась на сестру, а та махнула рукой – так, мол, не обращай внимания! – и добавила назидательно, вспомнив Женины рассуждения:

– Много ты понимаешь в настоящих мужчинах. Ладно, пойду, а то он, чего доброго, сломает что-нибудь... кому-нибудь!

Выхватила из рук сестры сухую, хоть и помятую, фату, надела её и быстро вышла. Ей хотелось побыть одной. В коридоре ЗАГСа было сумрачно и также безлюдно, как в туалете. Похоже, большинство посетителей не заходили дальше Зала Торжественных Событий. «Везёт же кому-то!», – подумала Наташа, чьё пребывание в этом заведении уже порядком затянулось. Суэта не кончалась, а разрасталась, нагромождалась, давила и лишала смысла всё происходящее.

Да и есть ли в нём, происходящем, какой-то смысл, если ей не хочется возвращаться туда, где все, где Боря опять сейчас что-то отчебучит, а вот брести здесь, в тишине, по бесконечному коридору, очень даже хочется. При чём не в сторону Торжественных Событий, а как раз в противоположную. Издалека по коридору навстречу ей шёл человек. Она могла разглядеть его, только когда он проходил под редкими плафонами, освещающими коридор. Сначала она поняла, что это мужчина. На следующем плафоне – пожилой мужчина. На следующем – что он увешан фотокамерами. Фотограф. Навстречу ей по пустынному коридору ЗАГСа шёл фотограф. Вот кто ей был по-настоящему нужен!

А незнакомый фотограф сам уже спешил предложить ей свои услуги:

– Фотография, видеосъемки, фотосессия. Фотографируем, форматируем, монтируем, оцифровываем, макетируем, брошюруем. А вы, голубушка, не желаете запечатлеть сей радостный миг? Хотя, скорей всего, вы уже, конечно, об этом позаботились?

Фотограф остановился у двери, на которой было написано «ФОТО-студия», и Наташа с удивлением обнаружила, что она, собственно говоря, около фотостудии и застыла, вглядываясь в приближающегося человека. Ноги сами привели!

– Как раз мы и не позаботились, нам нужна фотосессия! – затараторила она, – хотя жених мой – не только сам фотограф, но без пяти минут оператор. Но растяпа!... Может быть, это у вас – профессиональное?

– Ну, зачем же вы так, девушка, обижаете незаслуженно? В нашем деле нужно ловить момент – так как же мы можем быть растяпами? – улыбнувшись, Фотограф пропустил ее вперед себя внутрь помещения.

Здесь было полутемно, свет едва проникал в щель между плотными шторами. Привыкнув к полумраку, Наташа разглядела на стенах множество фотографий. Не всматриваясь в лица, можно было подумать, что все это – один и тот же праздник. Но было ясно, что под фатой и костюмом на разных фотографиях скрываются разные невесты и женихи. В углу мерцал экран монитора.

– Прошу прощения, но, по-моему, вы несправедливы к своему жениху! – продолжал Фотограф, раскладывая что-то за ее спиной, – полюбопытствуйте, здесь у меня образцы свадебной видео-сессии, наверняка вас заинтересует!

Наташа не отвечала. Подойдя поближе к фотографиям, она начала узнавать молодожёнов, запечатленных в свой самый счастливый миг. Принц Чарльз и Принцесса Диана. Принц Уильям и Кейт Мидлтон. Алла Пугачёва и Филипп Киркоров. Алла Пугачёва и Максим Галкин. И другие, отечественные и зарубежные, современные и не очень, пары молодожёнов.

– Ой, какой интересный кадр! – Наташа приблизила лицо к снимку на стене почти вплотную. Никогда раньше этой фотографии она не видела: Дж.Ф. Кеннеди и его молодая супруга Джекки – вот они, на соседней фотке, парадно улыбаются в объектив, счастливые и гордые собой, а здесь – ползают на четвереньках у ног священника, проводящего церемонию. Неужели уронили кольцо? Лица растерянные... А здесь? Примадонна плачет, закрыв лицо руками, а сердитый Киркоров повернулся спиной. Интересно, это до венчания или сразу после? А вот ещё...

Наташа, чуть ли не с раскрытым ртом, переходила от одной фотографии к другой, неожиданно попав на вернисаж забавных и нелепых микрособытий на свадьбах. Здесь были не только знаменитости, встречались и обычные люди, их было даже больше, просто знаменитости в этой подборке воспринимались как хорошие знакомые.

– Это что, всё вы снимали? – со смехом, но и с нескрываемым любопытством Наташа повернулась к Фотографу. Однако в комнате никого не было. «Вот чудной старик!» – с досадой Наташа хотела было покинуть фотостудию, как вдруг заметила на мониторе, мерцавшем в углу, свою фотографию. Свадебную. На фотографии – это был стоп-кадр, остановили видео – Наташа узнала саму себя. Но не сейчас, не в этом промокшем и испорченном платье, а совсем в другом, и она была совсем другая – с высокой причёской из коротких волос, причём – не шатенка, как сейчас, а – блондинка... «А ведь я всегда так хотела!», – подумала Наташа, – «всегда хотела постричь волосы, покраситься ярко, графично... и стоять рядом совсем с другим женихом!»

Прекрасный принц в идеально сшитом и так же идеально сидящем костюме, идеально выбритый и постриженный, он выглядел безупречно. Твердый подбородок с чуть намеченной ямочкой. Хорошо очерченные брови. Прямой, крупный нос. Скулы. Густая волна каштановых волос. Неотразимая полуулыбка. Глаза... Всё дело, конечно, в них: глубокие, бархатные, манящие, но на их дне как будто притаилась лёгкая грусть, неуловимая горчинка разочарования и

боли. Вау! Наташа нажала «пуск», и картинка ожила. Жених повёл Наташу куда-то, прочь от камеры, и в движении он выглядел ещё лучше.

Наташа – та, которая смотрела видео в фотостудии ЗАГСa – застыла в недоумении. Впрочем, недоумение было не единственным чувством, переполнявшим ее в этот миг. Страх необъяснимого, радость от того, как хороша она в новом имидже, зависть. Зависть к девушке, которая выходит замуж за Такого мужчину. С ума можно сойти, какого! И как она любит его, как она смотрит на него, ясно с первого взгляда, что он – мужчина ее судьбы, мужчина ее мечты. Видео-Наташа смотрела на своего жениха с любовью и преданностью, с восторгом и нежностью. Только сейчас у Наташи в фотостудии всплыла мысль о Боре: – «Я на него так не смотрю!»

Видео кончилось, по экрану побежали полосы и точки. Что это вообще было, хотелось бы узнать! Наташа выглянула из студии в коридор, нет ли Фотографа там? Нет. Вернулась к монитору, но, пока она ходила, экран погас и на движенья мышкой не реагировал. Клавиатуры нигде не было видно. Она не могла сидеть на месте и решила найти Фотографа, во что бы то ни стало. Но в коридоре столкнулась не с ним, а с испуганной Женей:

– Вот где ты! Наконец-то! Мы тебя уже обыскались! Пойдем скорей, сейчас наша очередь!

И Женя решительно потащила ошеломлённую Наташу за собой. Наташа шла, не очень-то вслушиваясь в Женькину болтовню, она искала глазами Фотографа, чтобы узнать у него происхождение того загадочного видео. Но Фотографа нигде не было. Может быть, вообще ничего этого не было? И она не видела того, другого, жениха неземной красоты? Наваждение какое-то. Ничего не было и быть не могло! Вот он, холл перед Залом Торжественных Событий, и Женщина-Распорядитель. Голос ее громыхал под высокими сводами, зеркала подрагивали, стекла звенели эхом:

– Вы слишком возбуждены, молодой человек, вы мешаете другим встретить торжественный час своей жизни спокойно и без опасности для этой самой жизни!

Женщина с цепью и гербом сделала шаг в сторону, открыв для обозрения место происшествия: та самая кадка, в которой так ловко полчаса назад от урагана-Бориса спряталась гражданка Сокова, теперь лежала на боку вместе с поломанной пальмой. Земля наполовину высыпалась из кадки на пол. А гроза продолжалась:

– Вы уже сорвали график торжественных мероприятий на полтора часа своим опозданием, и продолжаете вести себя несовместимо с высоким званием... Жениха!

Женихи и невесты во время речи распорядительницы потихоньку отступали к стенам, и только один остался сейчас перед ней, принимая огонь на себя. А может быть, вполне заслуженно испытывая чувство вины за ущерб, нанесенный государственному учреждению. Наташа уже не удивлялась. Это был Борис. Рядом с разгневанной, но невысокой женщиной, он выглядел непропорционально огромным третьеклассником, жалким и нелепым в своем взрослом жениховском костюме. Красным, как рак, глупым и ничтожным. А ведь не прошло и пяти минут, как она видела рядом с собой совсем другого. И дело даже не в том, как прекрасен и безупречен тот, другой. Но сама она там, на видео, какой она была там счастливой и вдохновленной!

Всё. Хватит. Лучшие сейчас прекратит этот балаган, чем потом мучиться всю жизнь. Наташа повернулась на каблучках и побежала вон из Зала Торжественных Событий, от женщины-распорядительницы, от Бори, от этой чужой и ненужной судьбы. Вниз, вниз, вниз по лестнице! На площадке между этажами ее догнала Женя. Здорово, у нее как раз Наташина сумка – там ключи, деньги и телефон.

– Спасибо, Жень, как раз кстати! – Наташа потянула сумку на себя. – Я сбежала.

– Ты что? – встревоженная Женя чуть не плакала, но сумку держала крепко.

– Сумку отдай! Может быть, я буду об этом жалеть всю жизнь – знаю, что ты скажешь, не продолжай, но сейчас это выше моих сил – так ему и передай.

Сумка, наконец, оказалась в руках у Наташи. Надо делать ноги, а то, стоит чуть замешкаться, начнутся упрёки и уговоры, Женька жениха позовёт... Женька – жениха, неплохо звучит, а? Да и у самой Наташи слёзы были на подходе, а там и чувство вины подоспеет, и жалость, да и просто Наташа привыкла быть хорошей. Гордилась этим. Так что побег с собственной свадьбы вообще-то не вписывался в ее стереотип поведения. Что ж, будем разрушать шаблоны на пути к сияющим вершинам совершенства... Сама от себя Наташа не скрывала, что в глубине души перед мысленным взором мерцал лучезарный образ НАСТОЯЩЕГО жениха. Всего несколько минут она смотрела на него в полутёмной фотостудии, но и этих минут хватило, чтобы понять: вот оно, НАСТОЯЩЕЕ. РЕАЛЬНОЕ. Вот он, мужчина моей мечты. Но ведь всего этого не объяснишь Борису. По крайней мере, не сейчас.

– А что же теперь делать мне? А Боре? – тоненький голосок сестры вернул Наташу к реальности сегодняшнего дня. Женька запищала, вот-вот заревёт. Надо огорошить её чем-то парадоксальным, а пока она будет переваривать и соображать, что к чему, нужно скрыться из поля зрения. «И телефон отключу сегодня», – подумала Наташа, – «на неделю. Или новую симку куплю!» Жене же она выкрикнула – уже почти на бегу, в низком старте, напряжённо поглядывая на тяжеленную дверь, которую ей опять придётся открывать самой:

– Можешь забрать его себе!

Как Наташа и думала, Женька сразу затормозила, ошарашенная таким щедрым предложением. И сбежавшая невеста рванула с места в карьер, змейкой проскользнув в дверной проём вместе с толпой гостей только что зарегистрированных новобрачных. Телефон в её сумке уже трезвонил.

А город жил своей яркой весенней жизнью, не обращая внимания на то, что невеста выбежала на улицу из ЗАГСа ... одна! Никто не остановился, как вкопанный, никто не бросился к ней с вопросом, никто даже – чего Наташа боялась больше всего – не засвистел, не заулюлюкал ей вслед. Как будто так и надо: девушка в подвенечном платье несётся по улице. Вот такой забег в свадебном туалете. А что, идея! Наташа, верная себе, не поленилась, остановилась и записала в телефон: «Идея для городского или студенческого праздника: забег сбежавших невест, все в подвенечных нарядах и туфлях, с фатой. Можно использовать, как рекламную акцию дизайнеров свадебных платьев».

Захлопнула телефон, оглянулась. Погони удалось избежать. Наташа пошла уже спокойней и медленнее, улыбнулась случайному прохожему, остановилась и посмотрела на себя в стекло витрины. Отражение было таким банальным, что хоть залезай в эту самую витрину и сама рекламируй свадебную моду эконом-класса. Локоны волос даже не растрепались. Но это всё уже вчерашний день, всё, что осталось за тяжелой дверью ЗАГСа. Новой Наташе нужна новая причёска. И, конечно же, нужно найти странного Фотографа, узнать: что это было? Каким образом у него оказался видеоматериал с Наташей и Мужчиной Её Мечты? И, самое главное: где его, жениха с видео, искать?

Но сегодня искать Фотографа не было никакой возможности: ей хотелось убраться поскорее и подальше от ЗАГСа, чтобы не столкнуться ни с кем из прошлого. Недавнего прошлого. Значит, план такой: сегодня полностью преобразовываем свою жизнь, а завтра найдем Мужчину Своей Мечты. Того самого. Как всегда, распланировав будущее, Наташа успокоилась. Составить план и назначить срок выполнения каждого пункта – это уже полдела. Так всегда выходило у неё, так получится и на этот раз!

Приняв решение, Наташа резко отвернулась от витрины в сторону проезжей части, и тотчас же рядом с ней затормозила машина. Хорошая машина, правильная. С самой лучшей стороны характеризующая владельца. Новая, премиум-класса, панорамная крыша, цвет – мокрый асфальт. В следующий миг калькулятор в голове выдал на табло кругленькую и увесистую цену подобного транспортного средства. Цена Наташе понравилась. По крайней мере, заинтриговала: кто же сидит за рулём? Вот ведь как бывает: ты со свадьбы собственной

сбежала, а тебя вместо всех подходящих случаю чувств и волнений обуревают вдруг совсем незапланированное и новое чувство и желание. Проехать на такой машине! Вылезти в свадебном платье наполовину в люк и смотреть на всех сверху, и чтобы на тебя весь город смотрел с завистью и восхищением. Как на настоящую невесту! Стекло на пассажирской дверце поползло вниз. Эх, была-не была – Наташа нагнулась и заглянула в темный, после сверкающей на ярком солнце улицы, салон.

Очертания водителя она видела, а вот лицо – пока нет. Слишком ярко, глаза никак не могут перестроиться.

– До салона красоты на Лесной довезёте?

Мужчина кивнул и протянул руку, открывая пассажирскую дверь. Обычно Наташа ездила сзади, но с водителем этой восхитительной тачки захотелось познакомиться поближе. Она потянула дверцу на себя и, шелестя кружевами, облаком впорхнула внутрь. Водитель молча разглядывал её, не трогаясь с места. Наверное, увиденное ему понравилось – на губах заиграла приветливая и обаятельная улыбка. Такая знакомая и привлекательная ямочка на подбородке! Кроме ямочки и губ – крупных и красиво очерченных, кстати говоря – портрет не вырисовывался: на голове – кепка, козырёк бросает тень на лоб и волос не видно, дальше – очки, тёмные, почти чёрные на солнце, они скрывали ещё одну треть лица.

Руки, лежащие на руле, Наташе понравились так же, как ямочка на подбородке – красивые, крупные мужские руки. Ухоженные. Без тату и перстней. Выразительные части тела. По крайней мере, когда скрыты все остальные... Да что за мысли лезут ей в голову через пять минут после побега со свадьбы? Ну, а что такого? В конце концов, вот поэтому она и сбежала, ей не хватало в женихе как раз такой мужественности, благородной сексуальности, уверенности в том, что он достоин её, что он способен сделать её счастливой. Ладно, молчание затягивается, посидела, отдохнула, дух перевела, нужно начинать разговор. И, вообще-то, почему мы всё ещё стоим?

– Так мы поедem или нет? – сказала Наташа с интонацией капризной принцессы, которой всё позволено, чьи капризы всегда исполняются и являются неотъемлемым аксессуаром привлекательности. Машина тронулась с места и водитель, наконец, откликнулся:

– Са-лон? Это есть ресторан?

Глубокий бархатный баритон его был под стать рукам и ямочке на подбородке, однако понимала незнакомца Наташа с трудом: он говорил с явственным английским акцентом. Иностранец? Неужели??? Что ж, можно и попрактиковаться в английском, не зря же она закончила спецшколу, да и в институте занималась в спецгруппе. Однако так, сходу вспомнить, как будет по-английски «парикмахерская», Наташа не смогла, пришлось показывать, смешно изображая ножницы пальцами: волосы, причёска, hair – чик-чик. Зато дальше английские слова полились по накатанному: – Where are you from? Who you are? What are you doing here in our city?

Незнакомец оказался бизнесменом из Ирландии, в городе у него деловые партнеры и он приехал сюда, чтобы курировать открытие зарубежного, то есть – российского – филиала. Приехал не на день, не на неделю – на месяцы, может быть, на год, а там – как пойдёт.

– Филипп Дуглас, – новый знакомый представился и повторил своё имя ещё несколько раз, чтобы Наташа запомнила. Филипп Дуглас – звучало прямо-таки по-королевски. А, интересно, в Ирландии всё ещё есть король? Или Ирландия – часть Великобритании и у них общая королева? Надо спросить, но как-то неудобно признаваться, что ты ничегошеньки не знаешь о стране, откуда прибыл такой симпатичный и интересный во всех отношениях мужчина...

Наташа решила погуглить при первой возможности, а пока вести исключительно светскую беседу, но не успела. Филипп перевёл разговор на гораздо более животрепещущую тему. Оторвав взгляд от дороги, он повернулся к Наташе и спросил, повторяя её жест пальцами-ножницами:

– Зачем вам чик-чик? You already look beautiful!

Филипп говорил, мешая английские слова с русскими – с самого начала разговора он попросил русскую собеседницу общаться, по возможности, на русском языке, так лучше для бизнеса, любой тренинг идёт в зачёт. Что ж, надо так надо, поможем иностранцу. Хотя коверкает слова он пока нещадно, да и в предложение их составляет, как попало. Но понять все-таки можно. Наташа поблагодарила за комплимент по поводу причёски и, пока соображала, как проще объяснить – по-русски или всё-таки по-английски – зачем ей необходимо сменить имидж, Филипп Дуглас задал следующий, приличествующий случаю, по его мнению, вопрос:

– Вас уже можно поздравить? Is this a white wedding dress? Не-ве-ста?

Вот попала, так попала! Тут самой ещё ничего не ясно, а надо объяснять. Да еще иностранцу! И так же четко проговаривая слова, с особенной интонацией, как объясняют непонятное малым детям и умственно отсталым, Наташа по слогам выговорила:

– По-здра-влять у-же мо-жно. Я сбе-жа-ла с собст-вен-ной свадь-бы! – не забыв при этом в нужном месте изобразить скрещёнными пальцами уже не ножницы, а бегущие ножки.

Иностранец, на удивление, всё понял и даже обрадовался:

– O, russian girl is very decisively and very beautifully! Пре-кра-сна!

Надо же! Наташа не ожидала со стороны мужчины, тем более – зарубежного, подобного родства душ в этом неочевидном вопросе. Однако, симпатичный иностранец нравился ей все больше и больше. Правда, он в возрасте. Сколько ему? Сорок-сорок пять? Может быть и больше, они там питаются правильно и живут без вредных привычек... Да какая разница – сколько лет, раз мужчина выглядит таким сочным и аппетитным.

Но есть и ещё одна причина попридержаться коней, строго сказала себе Наташа. Ты что, забыла, почему сбежала со свадьбы? Забыла того самого прекрасного принца с загадочной видеосъемки? Забыла тот взгляд, которым девушка на плёнке – сама Наташа, только немного изменённая, смотрела на своего спутника, на своего восхитительного жениха? Он, и только он – твоя настоящая любовь, его нужно искать, его дожидаться, а не бросаться на первого встречного... Даже такого привлекательного. Наташа оборвала ход мыслей и прислушалась к забавному русско-английскому бормотанию. Как раз сейчас Филипп Дуглас демонстрировал свой высокий образовательный уровень, глубокое знакомство с ее родной культурой:

– Наташа. I really love Leo Tolstoy, Лев Толстой! Roman War and Peace, ...”Война и мир” – это есть очень великий ... роман. I specially learned Russian. And here I am in Russia!

Наташа улавливала только отдельные слова из старательно выговариваемой речи иностранца. Ей просто нравилось, как звучит его голос, как двигаются его губы, как блестят белоснежные, ровные, (новенькие) зубы. Она очень хотела увидеть его лицо целиком, но что-то мешало ей попросить нового знакомого снять очки и головной убор. А между тем они уже подъезжали к концу маршрута. Об этом так и заявил нахальным голосом навигатор, говорящий в машине Филиппа по-русски. И здесь тренинг, подумала Наташа, глядя на ярко-красные буквы «Салон красоты «Шарман». Буквы неумолимо приближались, увеличиваясь в размерах. Конец маршрута. Филипп всё ещё говорил:

– Наташа! When I saw you, I immediately thought of Natasha Rostov! На-та-ша Ро-стофф. Первый бал!

– Здесь остановите, пожалуйста! – сказала Наташа, попыталась расплатиться – иностранец денег не взял – и распрощалась. Хлынула волной из машины. Филипп вышел первым, галантно придержал пассажирскую дверцу. А когда она прошелестела вверх по ступенькам – он был уже там, и снова раскрыл перед ней дверь. Наташа помедлила, не нашлась, что сказать, чтобы продолжить знакомство. Дать номер своего телефона? Но она же собиралась сменить симку! Попросить его номер? Ну, нет, она еще не пала так низко, тем более, что это все не то,

она ждет своего прекрасного принца. Вот если бы Филипп Дуглас сам предложил продолжить знакомство...

Но он, увы, не предложил. И хватит об этом. Она начинает новую жизнь! И Наташа смело прошла к свободному креслу, уселась в своем подвенечном платье на черную кожу вращающегося стула и деловито скомандовала разинувшей рот парикмахерше:

– Коротко. Красим в медовый русый, и побыстрее!

Девушка с ножницами знала, что делает: когда через два с половиной часа Наташа любовалась в зеркало результатом ее работы, преобразование было полным. Из зеркала на неё смотрела стильная, очень юная и очень озорная особа, такая, какой, на Наташин взгляд, хотела бы быть каждая женщина от пяти до восьмидесяти пяти. Хотели все, а выглядела так именно она, Наташа! Поблагодарив стилиста и не поскупившись на чаевые, Наташа выпорхнула из салона, заглядывая по дороге во все отражающие поверхности. Там мерцала и искрилась все та же утонченная коротко стриженная блондинка.

– Так здорово, что я сама себе завидую! – подумала Наташа и не удивилась, заметив, как кто-то машет ей с другой стороны улицы. Конечно, кто-то машет, ведь она так хороша теперь, что ей невозможно не помахать. И всё же, кто это? Наташа прищурилась, солнце по-прежнему палило во все лопатки, какой же длинный сегодня день! – и вдруг остановилась, как вкопанная. Через дорогу между машинами к ней шёл ОН, тот самый, принц, жених с видео из ЗАГСа, сам, настоящий, шёл и махал ей рукой. Улыбался. И звал её по имени:

– На-та-ша! – неправильно ударяя последний слог.

Так же, как это делал – ах, да, её утренний знакомый, англичанин, нет, ирландец с сексуальной ямочкой на подбородке и такими же красивыми, сочными губами, как и тот, кто уже подошёл к ней. Бам! Это же он, Филипп Дуглас, так его звали, кажется? Наташа не в такт кивала головой, хлопала ресницами и приходила в себя от фантастического открытия: Филипп Дуглас и был тем самым прекрасным принцем! Теперь, когда он снял, наконец, кепку и очки, это стало ясно, как день. И он не просто проходил мимо, нет, он жаждал Наташиного внимания и явно, не скрывая, любовался ею:

– *Forgive me for your courage...* Простить моя смелость. Я думать... *I thought that you would need a car.* Опять. Мой ав-то-мо-бил для вас.

Неужели? Разве это возможно – встретить его, самого главного мужчину своей жизни, в тот самый миг, когда рассталась с предыдущим? Не самым главным? Наташа не могла поверить своим глазам. Ее сотрясала дрожь, в горле пересохло, того и гляди, польются слёзы в три ручья... Не делай этого, Наташа, не надо! – командовала она себе, а внутри все ликовало и пело, «это он, это он!» – без конца выстукивало сердце, сбиваясь с ритма.

Наташа покачнулась и – ах! – рука её впервые коснулась руки Филиппа. Ух ты! Словно искра пробежала, да какая там искра – словно молния ударила в одного из них, тряханула, да так, что содрогнулись оба. Вздروгнули и посмотрели друг на друга. Филипп и Наташа, Наташа и Филипп. Сладко, и горько, и так хорошо, что это не может быть правдой! Водопад чувств обрушился на неё, поглотив почти полностью.

С ним, кажется, происходило то же самое. Но сколько же можно стоять вот так, на крыльце Салона красоты «Шарман»? Не обращая внимания на прохожих, даже на тех, кто хочет мимо них протиснуться в дверь салона, но никак не может обойти застывшую в счастливом столбняке пару?

Не отрывая глаз друг от друга, не разнимая рук, медленно и плавно, по шажочку, они двинулись в сторону машины, говоря друг другу что-то глупое и приятное, невпопад, но в такт с новым счастливым ритмом, объединяющим их обоих.

– Не могу понять, почему я сразу тебя не узнала? – спрашивала Наташа.

– Чик-чик, – счастливо улыбаясь, Филипп показывал, что он избавился от ненужных кепки и очков – так же, как она – от лишних волос.

Они шли, внезапно застывая на месте, кружась, потом продолжая движение не в том направлении, останавливаясь снова, смеясь и пританцовывая. Вокруг них сгустилась настолько плотная атмосфера счастья, что прохожие наталкивались на нее за десять шагов – спотыкались, прислушивались, оглядывались, пытались понять – что же такое приятное и непонятное их остановило? Находили глазами сияющих Филиппа и Наташу, кивали удовлетворённо: вот он, источник счастья обнаружен, всё в порядке, можно продолжать движение. И шли себе дальше, оглядываясь, замедляя шаг, не желая покидать это излучение, выходить из зоны уверенного приема счастливых вибраций.

Наташа и Филипп смотрели друг на друга и говорили, говорили, коверкая слова, мешая русский и английский. Главное содержание происходящего высказывалось, однако, не словами: руками, улыбками, поворотами головы, взглядами, прикосновениями...

– Дизайнер? Ты есть дизайнер? Я правильно понимать?

Филипп внезапно вынырнул из счастливого тумана. Глаза его перестали отсверкивать солнечными зайчиками, сузились и посерьёзтели. Из букета любовной ми-ми-ми-чепухи прагматичное ухо успешного топ-менеджера выловило несколько бит важной информации. Важной для дела.

– Ну да, – прежним сахаро-медовеньким голоском прошептала Наташа, – дизайнер. – Скоро диплом получу, но и помимо диплома у меня есть уже реализованные проекты, участие в международном конкурсе, награды, сертификаты евро-образца.

Отзеркаливая нового, но такого родного и близкого, как будто сто лет знакомого, Наташа мгновенно перестроилась, перенастроилась на корпоративную сухость. Его голос больше не был бархатным, глаза не занимали пол-лица, улыбка... Какая улыбка? Ничего личного!

– У меня для Вас, Наташа, – ого, мы уже опять на «Вы», пронеслось у неё в голове, – есть тест. The result of this test will depend a lot. От результата зависит много. О'кей?

– Надеюсь, текст не слишком сложный? Я же только начинающий дизайнер, – игривые нотки в её голосе остались от недавно пережитого упоения и лёгкости, от которых сейчас не осталось и следа. Наташа за эти последние несколько минут пережила целую бурю эмоций: обида и непонимание от внезапной перемены в тоне Филиппа; неприятие, нежелание слушать его и вообще оставаться рядом; интерес к новому предложению; и вот теперь – жгучее желание сделать всё наилучшим образом и выиграть неизвестный, но, она была уверена в этом, необыкновенно ценный приз.

Филипп припарковал машину в первом же свободном кармане, в руках у него появились блокнот и ручка, их он и протягивал Наташе.

– Рисуй проект лифт, Please draw an elevator car.

О, это не сложно! Она и не заметила, как лёгкие уверенные штрихи легли на бумагу. Кажется, так? Ну да, не нужно задерживаться с ответом, это же элементарный тест. Для начинающих. Филипп внимательно рассматривал рисунок в блокноте. А Наташа – Филиппа. Его лицо казалось непроницаемым. Долго. Минуту. Уже две! Что это значит? Ему не понравилось? Он не знает, как сказать ей что-то неприятное? Он полностью потерял к ней всякий интерес из-за того, что она такая дура?

Но тут, (Наташе казалось, что прошла целая вечность, а на самом-то деле быстрая стрелка обежала полный круг всего пять раз – на часах, которые висели через улицу, у магазина), лицо Филиппа разглядилось, и на нём снова появились человеческие чувства. Внимание, симпатия – это был почти тот же самый недавний незнакомец. С загадочной видео-свадьбы. В его доброжелательном взгляде можно было разглядеть и что-то новое: может быть, уважение? Профессиональный интерес?

– О'кей, Наташа! – Филипп завёл машину, и они поехали дальше. Сердце её билось оглушительно, своим биением причиняя прямо-таки физическую боль. И жётся! В груди жар, как

будто туда засунули раскалённую сковородку. Сердце на сковородке... Бр-р-р! Какая гадость! На самом деле просто колбасит, как перед экзаменом.

И точно, Филипп заговорил голосом удовлетворённого профессора:

– Ты сделать всё хорошо, Наташа. Много другие люди рисовать кнопки этажей (*показывает руками: по кругу, на разном уровне*) Вот так... Или вот так... Это не есть хорошо! Главное для лифта – комфортэбл, удобно пользоваться. Вы это понимать.

Это что, собеседование? Ну конечно, сейчас Мужчина Моей Мечты предложит мне место в суперкорпорации с офигенным годовым окладом. Только разве об этом мы договаривались? Да, в сущности, ни о чем и ни с кем она не договаривалась.

Но она видела перед собой ЕГО, мужчину своей мечты с поразительного видео в ЗАГСе. И что бы он ни сказал ей, о чём бы ни попросил, Наташа готова была – если не сделать немедленно, то, по крайней мере, принять к рассмотрению. Ну да, она уже была согласна, например, поехать с ним в ресторан, со всеми вытекающими последствиями... Полететь в отпуск на экзотический остров... Ах, закрой она сейчас глаза, она бы увидела себя танцующей в паре с ним, в огромном бальном зале. Они кружатся на блестящем, гладком паркете, её невесомое, лёгкое, белое платье кружится вместе с ней. Платье, почти такое же, как и это, свадебное...

Ладно, стоп, пошёл уже первый бал Наташи Ростовской, это не про неё. У неё сейчас совсем другие задачи. И очень просто: на видео в ЗАГСе она видела что? Фрагмент из записи свадьбы. ИХ свадьбы. Наташа мельком отметила, что уже не задумывается о происхождении этой записи и принимает её всерьёз, принимает за точку отсчёта. Если там Наташа выходит замуж за мужчину мечты, за этого самого мужчину, который сейчас сидит рядом с ней, значит, между ними сложились серьёзные отношения. Самые серьёзные, которые только могут быть.

А серьёзные отношения не начинаются с того, о чём только что мечтала Наташа: секс в первый вечер знакомства, отдых на Канарах или бальные объятия. Для построения серьёзных отношений нужно время, нужно получше узнать друг друга, нужно предстать перед потенциальным партнёром с самой лучшей стороны и в то же время остаться такой, какая ты есть настоящему. А ведь это возможно как раз в профессии! Ну да, она же так хороша в своём деле, он увидит и оценит, и вот тогда он полюбит её всерьёз и надолго, и они, рука об руку, пойдут к алтарю, под видеозапись для потомков. Вот так и появится та картинка, которую она уже видела! А значит, нужно собраться сейчас, напрячься и всё сделать правильно. Одно она уже сделала: тот дизайнерский тест, который предложил ей Филипп, она, кажется не провалила. Филипп действительно предлагал ей работу!

– Велл, я думать, я смогу хэлп ю... вам помочь. Ваши предложения – риал, действительно продуктивны и грамотны. Я – топ-менеджер рашен, русский офис “Ви энд Кей”. Большая фирма. Штатом занимаюсь я.

– Не может быть! – перемена декораций больше не огорчала Наташу. В конце концов, Мужчину Мечты она уже нашла, да как быстро! Да, над сближением придётся поработать. Но Филипп и сам, кажется, не собирается переводить их отношения в чисто профессиональную плоскость. Его глаза вновь заблестели призывным блеском, и баритон завибрировал на низкой ноте:

– Когда я видеть вас первый раз там, на улице, я тоже думать: не может быть!

Наташа ответила ему долгим влекущим взглядом. Что-то, а это она умела! Очаровать мужчину, который, к тому же, и сам хочет быть очарованным – пара пустяков. Наташа кивала Филиппу, поддакивала в нужных местах, закатывала глаза и заливалась хорошо поставленным хрустальным смехом. Нежная кожа автомобильного сиденья мягко обнимала её. Утро, Боря и свадьба отодвинулись в такое далёкое прошлое, что память о них не вызывала никаких эмоций: было и прошло. Немного ярче из забвения выступала полутёмная комнатка в ЗАГСе, мерцание монитора и видео-свадьба Наташи из какой-то другой, несбывшейся ещё реальности. Но и она

уже затянулась дымкой, как воспоминание о вчерашнем сне. Как прошлогодний снег, стаявший гораздо раньше, чем наступил сегодняшней длинный, длинный день.

Глава 2

Наташа резко затормозила на светофоре, чуть не влетев в серебристый капот впереди идущей машины. Так, мы отвлеклись, пора начать ориентироваться! Наташа погладила рукой новенькую торпеду: машинка моя, прости за невнимательность, ты у меня такая хорошенькая, новенькая, я тебя буду беречь! Тронулась по всем правилам, поехала, соблюдая 5 метров дистанции. Она ещё не привыкла к обновке, относилась к ней как к живому существу, как к подружке. Или младшей сестре? Кстати, о младшей сестре: к ней-то Наташа сейчас и ехала, перебирая в уме перемены, произошедшие в их жизнях за последние полтора года.

Она покосилась на огромную подарочную коробку, лежавшую на соседнем сидении. Надо же! Женька замуж выходит! Раньше, чем старшая сестра. Ну, тут уж Наташа сама виновата, ничего не скажешь. Если бы хотела, могла бы и раньше выйти, да не один раз! Но пока не складывается. Как тогда со свадьбы убежала прошлой весной, так и несёт её жизнь стремительным потоком, быстро несёт, по прямой, без завихрений лишних, без омутов и водопадов, да только не в том направлении, не в сторону свадьбы, мужа, деток, хозяйства.

Грязный фартук, руки в муке, чёлка лезет в глаза, а её не поправить, дети кричат, муж голодный, да все ютятся в малюсенькой съёмной квартирке, или, чего доброго, с родителями... Нет уж, мне такого счастья не надо, не для этого я училась шесть лет, не для этого книжки читала, по выставкам бегала, о больших проектах мечтала. И всё получила! Вместо того, чтобы выскакивать за первого встречного она, Наташа, к двадцати пяти годам – ведущий сотрудник крупного дизайн-бюро, без пяти минут совладелица нового филиала, каждый месяц ездит в командировки то в Милан, то в Париж, то в Лондон, и все за казённый счёт.

Машинка её любимая, гордость ее заслуженная, тоже не с неба упала, а стала очередным вещественным доказательством успешного продвижения хозяйки. Машину Наташа получила от фирмы в качестве новогодней премии – за отличные продажи, повышение рейтинга компании, улучшение её имиджа. Вот как покатило Наташе, вот чему завидовать-то можно, вот о чём мечтать другим, тем, у кого всё сложилось по-другому.

Приехали! Навигатор закончил маршрут во дворе нового многоквартирного дома. Так, места для парковки есть – наверное, не все ещё заселились. Наташа вышла из машины с коробкой в руках, взяла с полочки над багажником букет роз, не поленилась, присела, чтобы взглянуть на себя в боковое зеркало машины. Отлично! Новая креативная стрижка, матовая помада «Благородный кармин», тёмные тени делают глаза глубокими и манящими. Годится!

Впрочем, никого манить на этой вечеринке Наташа не собирается. Сегодня она – просто гостя у сестры на свадьбе. Какой там подъезд? Долго искать не пришлось: на третьем этаже открылась балконная дверь, и весёлые люди высыпали из квартиры проветриться – загомонили, похохатывая, как это бывает с уже подвыпившими людьми. Один из них свесился вниз с балкона и наблюдал за манипуляциями Наташи у подъезда. Ну что ж, она не из стеснительных:

– Эй, вы там, наверху! Вы – у Ковалевых? – её голос прозвучал неожиданно громко, усиленный акустикой закрытого домами со всех сторон двора. Ребята на балконе услышали, не поняли, переспросили и обрадовались:

– Девушка, к Ковалёвым сюда! Мы Вас заждались!

Ступеньки, дверь подъезда, лифт не понадобился – Наташа стремительно взлетела на 3-й этаж, столкнувшись у дверей нужной квартиры с каким-то пожилым дядечкой. Гость спускался на площадку от лифта, держа в руках большую коробку в подарочной упаковке. Наташа усмехнулась – коробка была почти такая же, как и у неё. «Вот глупо получится, если у него такой же блендер! Впрочем, Евгения, кажется, хозяйка практичная, сдаст обратно и деньги вернёт. Отдел возврата есть в каждом гипермаркете». Перестав беспокоиться о подарках, она

начала прикидывать, кем доводился жениху гость с коробкой. Ясно, что он – родня жениха, ведь невестина родня Наташе была хорошо знакома.

– Здравствуйте! – Наташа улыбнулась пожилому гостю, решив, что инициативу в разговоре может смело взять на себя как более молодая, активная и актуальная персона. – Вы тоже опоздали? Видели снизу, как они там уже отжигают?

Дядечка не отвечал. Как будто не замечая Наташу, не слыша её, он поставил коробку на пол рядом с собой и нажал на кнопку звонка. Дверь никто не открывал.

– Конечно же, такой шум, нашего звонка там никто не услышит, – Наташа подумала, что дядечка, или лучше назвать его – дедушка, может быть, глуховат, и сама чуть ли не кричала ему в лицо, – да и не надо звонить, дверь открыта, ребята с балкона крикнули меня видели и обещали впустить!

Решительно отодвинув неразговорчивого гостя, она толкнула дверь. Дверь гостеприимно распахнулась, обдав их запахами вкусной еды и шумом большой весёлой компании. Гомон и музыкальная какофония, из каждой комнаты раздавался свой музыкальный позывной, а здесь, в прихожей, эти зажигательные ритмы, медляки и просто гитарный перезвон с хриплым басом сливались в единый трудно усваиваемый коктейль. Мелодичная трель звонка вплеталась в винегрет звуков естественно, как будто ещё один музыкант вернулся из буфета в свою оркестровую яму и начал разыгрываться перед началом третьего акта.

– Я же говорила, нас никто не услышит, – перекрикивая шум, Наташа пыталась разыграть перед незнакомцем роль радушной хозяйки. – Проходите, раздевайтесь, оставьте пока свою коробку, сейчас мы вместе попробуем найти молодых.

– Я принес доставку. Ковалёвы здесь проживают?

Почему-то именно его голос заставил Наташу всмотреться внимательнее в лицо того, с кем она так долго и бестолково толкалась на лестничной площадке перед квартирой молодоженов. Фотограф! Это же был фотограф из ЗАГСа! Конечно, она видела его всего один раз, мельком, в полутьме, и случилось это уже полтора, почти два года назад, но сейчас её охватила непоколебимая уверенность, что он – тот самый. «Ну да, это он, точно! – думала Наташа, снимая шапку и шарф, отыскивая свободные плечики на вешалке, расправляя на них шубу. – Было в его голосе что-то запоминающееся, надтреснутое, фальшивое. И откуда он здесь взялся, интересно?» – Наташа стягивала сапог, соображая, а могла ли она в этом адском шуме реально услышать в чьём-то голосе какую-то мало знакомую надтреснутость?

Курьер, оказавшийся фотографом, ждал, глядя на Наташу бесстрастно, как на стенку. «Чёрт, да ерунда это всё!» – Наташа тоже застыла в одном сапоге, мучительно пытаясь вспомнить, зачем же он был ей нужен, этот фотограф из ЗАГСа, ведь она не раз и не два вспомнила о нём, о том, что нужно бы зайти в этот ЗАГС, найти эту полутёмную фотолабораторию и спросить... Лицо курьера вдруг оживилось, он как будто впервые заметил Наташу и радостно протянул ей бланк и ручку.

– Давайте Вы распишетесь за доставку, и я пойду!

– Как это – я? Я же не хозяйка, это не я заказывала!

– Девушка, это праздничная доставка, она уже оплачена по специальному тарифу, кто-то на свадьбу подарок прислал, отправителя здесь и нет, наверное. Пока вы там его найдёте, а мне ждать некогда. Расписывайтесь, и я пойду. Подарок доставлен? Доставлен. По адресу? По нему. И всё оплачено уже. Так что давайте, черкните, что приняли, что вам, трудно, что ли?

– Да нет, не трудно! – Наташа взяла предложенную курьером ручку, машинально поставила галочку в указанной графе, – ведь я о чём-то ещё хотела его спросить, это очень важно, я должна его спросить. – А почему вы больше фотографом не работаете в ЗАГСе? – вырвалось у неё, помимо воли.

Курьер не подал вида, что вопрос его удивил или озадачил. Он просто сделал вид, что не слышал вопроса. А, впрочем, при таком шуме, может быть, и действительно не слышал? Экс-

фотограф дежурно улыбнулся Наташе, забрал ручку и бланк, кивнул и вышел за дверь. Наташа бросилась было бежать за ним, но тут в прихожую из комнаты вышли знакомые девчонки – Лена и Света. И что было делать? Она – в одном сапоге, туфли ещё лежат в сумке, причесаться так и не успела, выглядит, наверное, как чумичка. Ну и что, вот так, не поздоровавшись, рвануть сейчас прочь из квартиры? Непонятно, зачем – и за кем, если уж на то пошло! Ведь она так и не вспомнила, почему ей было так важно найти фотографа.

А девчонки – вот они, здесь стоят, высыпали из парадной залы, где шумит свадьба, и глазуют на неё, родимую. Зыркают, переглядываются. Любопытствуют, подруженьки, как она выглядит, как поведёт себя сейчас, когда вот сию же минуту войдёт в просторную гостиную и начнёт поздравлять молодых – свою сестру и своего бывшего. Ага, интересно, а кому было бы не интересно, скажите?

Наташа встряхнула своими теперь уже привычно короткими и медовыми волосами, своей счастливой причёской, и тут же забыла о чудном курьере-фотографе. Она любила принимать вызов и чувствовала, что сейчас как раз тот случай: все ждут, что она будет растеряна? А то и – кто-то думал – что вообще не придёт? А она придёт! Пришла уже. Здесь!

Наташа посмотрела на себя в зеркало. Сапоги, наконец, оба сняты и стоят себе в сторонке. Туфли заняли своё место на Наташиных ногах, и ой, что это за туфли, ой, что это за ножки! Любо-дорого! Да и вся остальная она – лёгкая, стройная, летящая, звенящая – схватила коробку, вроде бы, свою! – и ворвалась в затихшую гостиную.

То есть думала, что ворвалась. На самом деле для того, чтобы предстать перед молодыми, ей нужно было пройти по длинному коридору. Она шла и заглядывала в раскрытые двери: спальня, кабинет, что там ещё?

А квартирка-то очень ничего себе! И прихожая, гардеробная, никакой тесноты-толчеи, вся одежда гостей аккуратно висит, да и ещё место осталось. И обувь не валяется вповалку на полу, а занимает специально отведённые галошницы. Светильники точечные, стены без обоев, выкрашены в пастельные цвета. Да, это Борькины родки такой подарочек молодым отстегнули. Молодцы, ничего не скажешь! И сама себя поддела: – «Ну что, Наташка, завидуешь?» И сама же себе честно ответила: «И впрямь, немного завидую. Квартирка что надо!»

– А ещё у них целых две лоджии! – это Ленка сзади нагоняет, заметила, наверное, цепкий взгляд, которым Наташа окидывала всё вокруг. – И в спальне молодых тоже гардеробная огромная, а уж ванная комната – просто закачаешься. Повезло-то как Женьке!

– А могло бы – тебе! – в другое ухо Света поёт. Вот злые девчонки, ну чего вы подзываете, чего соль на раны сыплете? А, с другой стороны, какие это, на самом деле, раны? У неё и у самой, между прочим, уже квартирка присмотрена. Не такая огромная, конечно, без двух лоджий, без гардеробной. Зато своя будет. Кровная. Компания даст кредит, почти беспроцентный, потому что Наташа – ценный и перспективный сотрудник. «И сама себе я буду в ней хозяйка, никому ничем не обязанная», – подумала Наташа, гордо расправив плечи и подняв голову. Вот, наконец, и гостиная. Народу – не протолкнуться!

Нашла глазами в торце стола молодых, помахала рукой – привет, совет вам да любовь! Подняла над головой коробку разноцветную, встряхнула, коробочка громыхнула, как бубен – вот какой я вам, дорогие и любимые, подарочек припасла, не поскупилась! И начала протискиваться к своему месту – девчонки его заняли заранее, теперь показывали на стул, который стоял между ними, давай, мол, Наташка, к нам, сюда! Девчонки угнездились, Наташа, тоже села и перевела дух. Она была рада снова оказаться между Светой и Леной. И рада была видеть возле жениха знакомое лицо Юрки. Да и другие лица были, в большинстве, свои. Всё же молодых, и того, и другую, она знала давно, знала и их друзей. Наливай!

Когда Наташа собиралась на свадьбу, честное слово, она даже не думала: «идти или не идти?» Не сомневалась ни секунды, вообще не чувствовала никакой неловкости. Ну и что, что жених сестры раньше был её женихом? Дела это давние, потом они с Борькой обо всём

поговорили, объяснились, простили друг друга – и всё. Быльём поросло. Для всех к лучшему. Борька, вон, женится. Сестре её, получается, повезло. Но и она, Наташа, вовсе не в проигрыше! У неё прекрасная, стремительная карьера и очень насыщенная личная жизнь. Да, до свадьбы дело ещё не дошло, но, как все мы здесь с вами помним, её-то лично замужество не слишком привлекает. Так что всем сестрам по серьгам.

Так думала Наташа до того, как переступила порог новой квартиры Ковалёвых. Потом была минутная слабость. Накатило просто что-то, какая-то растерянность, неуверенность, смущение... Накатило – и прошло. Сейчас, сидя между Светкой и Леной, которые наперебой подкладывали ей – то слева, то справа – горячего и холодного, острого и сладкого, мучного и овощного – Наташа почувствовала облегчение и настоящую, искреннюю радость за сестру. И за бывшего. Бывшего жениха, ныне – зятя. Так, кажется, это называется?

Ладно, надо скорей вливаться в свадебные ряды. Наташа подняла бокал, наполненный заботливым соседом напротив и прислушалась к поздравительной речи. Говорил незнакомый парень. Значит, не студенческий друг, а, скорее, по работе. Наверное, вместе с Борькой рекламу клепают.

– Я тебя, Женечка, поздравляю и желаю, чтобы ваша жизнь была бы такой же красивой и безоблачной, как в нашей рекламе туалетной бумаги, – тут все засмеялись, а незнакомый рекламщик изменил голос и пропел, пародируя бодрый рекламный джингл: “И это тоже у вас есть”. За здоровье молодых! И за наш рекламный бизнес, который приносит счастье! Хотя бы тем, кто им занимается!

Рекламщик широким жестом обвёл вокруг себя, демонстрируя результаты совместного с женихом труда. Гости засмеялись, потянулись со стаканами, бокалами и рюмками друг к другу через стол. Светка рядом с Наташей истошно заорала «Горько!», и многоголосый хор нестройно подхватил. Молодые чинно поднялись со своих мест во главе стола, повернулись друг к другу...

Крупный, высокий Борис склонился к крошечной – рядом с ним – Женьке, заслонил широкой спиной от насмешливых гостей, и молодые начали целоваться. Целовались, целовались, целовались. Гости устали кричать, устали преувеличенно громкими вскриками и вздохами подбадривать супругов, но и заняться своими делами было как-то неудобно. Свадьба же, надо отыгрывать!

Наташа, однако, не хотела идти на поводу у этих старых глупых традиций. В конце концов, и поесть тоже нужно. И она оторвалась по полной, наплевав на диету. Какие, к чёрту, диеты, когда на столе такое роскошество!

Стол был устроен следующим образом: в разных его концах имелись разные сюжетобразующие центры. Рядом с молодыми стоял роклет, на котором тут же, не отходя от кассы, поджаривались в небольших лоточках кусочки мяса и сыра. Ближе к Наташе таким центром была фондюшница с горевшим под ней живым огоньком специальной свечки. Дальше по столу, она видела, стоит фондюшница поменьше, и ароматы оттуда доносились другие, сладкие, фруктовые.

– Там шоколадный фондю, – просветили Наташу девчонки, – виноград, клубника, бисквит, пойдём, ты должна обязательно попробовать!

Наташа ни от чего не отказывалась, и пробовала, пробовала, пробовала без конца! Помимо блюд, которые готовились прямо тут, стол был уставлен судками и лоточками разных размеров со всевозможной снедью, выглядевшей так аппетитно, что отказаться от неё не было никакой возможности.

«Ничего, – думала Наташ, за обе щёки наворачивая салат с копчёностями и фасолью, – с завтрашнего дня каждый день в тренажёрном зале, к следующей субботе отработаю все килокалории до единой!»

Наташа так увлеклась яствами, что не заметила, как взоры всех присутствующих обратились к ней. В чём дело? А вот в чём: только что, минуту назад, со своего места, слева от жениха, поднялся свидетель, Юрка. Смешно! Свадьба другая, а свидетель тот же. Разве это правильно? Разве же разумно? Если он за одной невестой уже не уследил и одну свадьбу жениха уже проворонил, разве логично доверять ему другую? Ему доверили, а он как будто хочет ещё раз, чтобы, не дай бог, не забыл никто, напомнить о той, предыдущей. И о той роли, которую сыграла в ней она, Наташа.

– Во исполнение возложенных на меня обязанностей, я предлагаю поздравить молодых вновь прибывшей, – Юрка уже изрядно набрался, поэтому слова выговаривал с избыточной чёткостью, что придавало сказанному незапланированный комический эффект. – Пусть скажет! Вновь прибывшая! Хотя ей это будет и не легко.

Юрка, а вслед за ним и все остальные, те, кто знал её, повернулись в сторону Наташи и зашикали, захлопали, показывая жестами, что она должна сделать: ну, вставай же, вот так, вот так! И они, всем столом, дружно, как в детском саду, поднимали руки, ладонями вверх, от стола на уровень головы.

Ну что ж! Наташа действительно пришла не так давно, оставалась поэтому чуть ли не самой трезвой в зале, за исключением невесты, так что была уверена в том, что пройдёт тест легко. Подняла бокал, постучала по нему чистой вилкой, добиваясь тишины. Когда все затихли, Наташа громко и чётко, самым мелодичным и ласковым из своих голосов, этот голос она на презентациях доставала в последнюю очередь, когда надо окончательно дожать клиента, пропела:

– Прошу прощение за опоздание, наверное, я буду повторяться, и все-таки: дорогие Боря и Женья! Будьте счастливы! Дорогие мои, если бы вы знали, как я за вас рада!

Оставив остальным додумывать, как именно она рада за молодых, Наташа первой чокнулась с соседом напротив и сделала большой глоток. И вдруг сосед напротив – тот самый, пока ещё незнакомый ей коллега Бориса по рекламному цеху – ехидно запротестовал против такого быстрого сворачивания животрепещущей темы:

– А вы сначала расскажите о себе, у нас все так делают. Вы, собственно, девушка, кому из молодых кем доводиться?

«Ах вот ты какой, оказывается!» – Наташа укоризненно посмотрела на гостя, с которым уже неоднократно чокнулась, своим уже считала его, доверяла ему свой чок, а он... Улыбнулась загадочно, покачала головой, дескать, а этого вам, дорогой товарищ, знать совсем не обязательно! Подняла бокал, салютуя молодожёнам, и выпила до дна. Кто она? И кем приходится? Вот нахал!

– О себе: зовут меня Наташа Ермакова. Я – креативный директор дизайнерского агентства «Аквариус». Не замужем. 90х60х90, как видите ...

Толпа гостей одобрительно загудела. Хоть и подвыпившие, а фишку рубят, ну, нравится людям смелость и дерзость. Да и параметры Наташины, как говорится, налицо. Своим выступлением Наташа убила сразу двух зайцев: показала, что она ничуть не огорчена женитьбой бывшего на сестре и отшила всех потенциальных кавалеров своим великолепием. Вот я какая, попробуй, сунься! Один всё-таки попробовал:

– Девушка, Наташа, и как же вам удастся поддерживать такую фигуру? Вы спортом, наверное, занимаетесь?

Конечно, её фигура его заинтересовала. А как она в 25 лет стала креативным директором, не спросишь? Это ведь поинтересней будет! На вопрос парня неожиданно ответила Светка:

– Кендо. Знаешь, что означает? – и, когда уличённый в невежестве гость посрамлённо замолк, обратилась к Наташе: – Кстати, о спорте – подруга, ты же не в курсе, мы с Ленкой теперь – секьюрити!

Тот же парень опять оживился:

– А вот с этого места поподробнее!

Но подробности предназначались совсем не для его ушей. Светка продолжала вполголоса, чтобы не мешать свадьбе идти своим чередом, пусть гости обратят своё драгоценное внимание на виновников торжества, жених и невеста заждались, поди. А послушать Светкины новости Наташе очень хотелось. Давайте, девчонки, пошепчемся! У них – своя свадьба, у нас – своя.

– В секции один предложил, – голос у Светки возбуждённо дрожал, глаза восторженно сияли. То ли напитками злоупотребила уже подружка, то ли действительно ей очень нравилась новая тема, – он уже давно в охранном агентстве, а тут у них женское отделение открыли.

Вау! Женское отделение! Это же элита, представительский класс охранного бизнеса. Круто появляться на своих бизнесовых тусах в окружении накачанных, рослых и стройных профессионалок. Круто, а кому-то и стрёмно: типа, ты уже и не мужик вовсе, если тебя бабы охраняют. Правда, сейчас чаще тёлок приглашают для жён и детей. Няня, она же – телохран. Наташа вспомнила, как они не раз с девчонками после тренировок обсуждали подобную возможность. Себя Наташа в этой роли совсем не представляла, а вот Светка, да и Ленка тоже, прямо-таки мечтали. Спали и видели. И вот, выходит, всё сбылось! Девчонки тараторили наперебой:

– А мы как раз без работы сидим, собирались уже домой. В издательстве, куда мы после института устроились, тухло совсем, платят гроши, и перспективы никакой. Так что уже не знали, что делать. А тут Вадим – пойдём, девчата, к нам в агентство, – тараторила Света. И тут же флаг из рук перехватила Ленка:

– Я говорю: пойдём, не понравится – бросить всегда успеем. В издательстве выторговали себе на первое время свободный график. И пошло-поехало.

Как они ни старались тихариться, а всё-таки рассказ о профессиональных тайнах женщин-секьюрити свадебный стол слушал в полной тишине. Интересно, а как же. Экзотично. А то и, глядишь, полезно – мало ли, как жизнь повернётся? Светка, уловив всеобщее любопытство, порозовела, но не засмушалась, с наслаждением купаясь во внимании свадебного застолья. Словила минуту славы! Да ещё и прорекламировала себя. Правильно, знай наших!

– Обращайтесь, если что. Телефон у Жени с Борей возьмёте. Мы теперь выделяемся в самостоятельную структуру, Амазонки.ру. Легко запомнить, правда?

За столом начался целый переполох. Все мужчины повытаскивали свои телефоны, чтобы забить туда пикантную информацию. Ближайшие соседи пытались добыть у амазонок и личные контакты. Светка сопротивлялась, а Ленка, вроде бы, уже скидывала соседу справа свой номер. Остальные девушки за столом сидели с кислыми лицами, равнодушно ковырялись вилками в остывшем фондю. Их показное равнодушие к происходящему развеселило Наташу.

Смешные, ишь, не нравится, когда их мужчинки наперегонки побежали кадриться к профессионалкам-охранницам. Вам, дорогие мои кумушки-домохозяйки, киндер-кюхен-кирхен, полезно было бы иметь за душой хоть что-нибудь, кроме вашего уютного домашнего курятника. Вот тогда и мужики ваши, чуть что, не будут на сторону глядеть! Наташины наблюдения за миром женатиков прервал звонок мобильного в её сумочке. Она взяла телефон и вышла в коридор.

Звонил, конечно, Бобриков – кто же ещё? Под монотонный бубнёж занудного сотрудника Наташа пошла бродить по квартире, в которой никогда прежде не бывала. Успевая ответить Бобрикову что-то дежурное, типа «Всё должно быть готово к 16-му!», она с гораздо большим вниманием рассматривала стильную современную обстановку с элементами хай-тека. Надо же, как обставились! И без меня обошлись, даже не обратились!

– Да-да, Бобриков, встроенные, встроенные!

... А кухня какая! Да это и не кухня, это актуальная современная многофункциональная зона, надо же, двухуровневая, обеденная ниже, кулинарная выше. Правильно, всё как надо сделано.

– Нет, Бобриков, стационарные, на металлическом каркасе...

А пол какой! Наташа осторожно освободилась от одной туфли, поставила ногу, защищённую лишь невидимой паутиной колгот, на разноцветную, как изразец, мраморную плитку. Тёплый.

– Ну, мы же с вами уже это обсуждали, Бобриков! Артикул Т1/156. Да. Да. Я перезвоню.

Наташа и не заметила, как это произошло: две туфли на высоченных каблуках и платформе, стоят посреди кухни, а Наташа с ногами залезла в удобное кресло, прикрылась пледом, который так кстати оказался здесь же, на спинке. Она сидела, смотрела в окно на падающий снег и чувствовала себя настолько защищённой, ограждённой от всего: «я в домике!», что не заметила, как вошла Женя.

Сестра скользнула на кухню, не издав ни единого звука. Наташа просто увидела её отражение в тёмном окне рядом со своим. Как в детстве. Эта картина – мы обе, две сестры, рядом, смотрим в морозное, тёмное окно – была точной рифмой с только что зафиксированному детскому ощущению «я в домике!».

Наташа не сразу сообразила, что заглянула в прошлое. А в настоящем Женя подсела к ней, и, обняв, пыталась прочесть ответ в её глазах, ответ на свой незаданный вопрос: ты действительно рада за нас? Не дуешься? Тебя ничто не тревожит, не гнетёт? Фирменная Женька, в своём репертуаре!

– Как хорошо, что ты приехала! Я думала, обидишься на меня на всю жизнь!

Вот и поговори с такой! Прямо мать-Тереза в молодые годы. Наташа с детства терпеть не могла эту женькину доброту без конца и края, «тепло, морозушко!» в полный рост. Но и любила Женьку за это тоже. Такой вот парадокс. Правда, на этот раз доброта стала стратегическим ресурсом, с помощью которого сестра прибрала к рукам то, что плохо лежало: Наташиного бывшего жениха.

Вроде бы, после несостоявшейся свадьбы он сам не свой был, так Женька его и отпаивала, и выхаживала. Вот и довыхаживалась: вышла сама за него замуж, и утретесь, остальные! «Она его за муки полюбила, а он её – за состраданье к ним». Прямо Шекспир!

– За что же мне на тебя сердиться, дурочка! – Наташа говорила совершенно искренне. Она любила сестру, однако трезво и рационально видела в ней слабости и неуместности. И не стеснялась честно и прямо о них говорить. Ну так ведь на то она и сестра родная, правда? А Женька, как будто могла подслушивать её мысли, вторила им:

– Нет, правда. Он был такой несчастный, просто сердце разрывалось смотреть.

Сердце разрывалось у неё! Да такой жених завидный пропадает, тут любая бы юлой извертелась, чтобы не упустить.

«Любая, да не я!» – гордо подумала о себе Наташа, – «я выше простого бабского желания выйти замуж, урвать себе мужика для плотских утех и для материального обеспечения, что тоже немаловажно. Мне нужен мужчина-мечта, мужчина-лидер, мужчина-звезда. Такой, чтобы, глядя на него, хотелось трепетать и петь!» Ну да. Ей хотелось найти не секс-машину, не кошелёк, но – Любовь с большой буквы Л. «Ведь я этого достойна!» Но Женьке она ничего такого говорить не стала. Зато сказала другие хорошие слова:

– Да ты просто спасла всех нас – его от комплекса неполноценности, меня – от чувства вины. Так что – спасибо тебе, дорогая сестренка!

И это тоже была правда. Если честно, Наташу немного, самую-самую чуточку, задевало материальное благополучие, хозяйкой которого так неожиданно стала её ... хм... сменщица. Пускай! Тем более, Наташа знала это на сто процентов, так же хорошо, как она знала свою сестру: Женька к богатству и комфорту не особенно стремилась.

Любая бы другая нарезала круги вокруг бесхозного Борьки с умыслом, а у Женьки всегда был один умысел: помочь, утешить, спасти, слёзки утереть. Наташа, как старшая, её ругала за беспросветный альтруизм, дразнила блаженненькой, а вон оно, как повернулось! И альтруизм фирменный Женькин, и доброта эта её беспонтовая – всё пригodiлось, всё в дело пошло.

В результате Наташу обуревали смешанные чувства: лежавшую на одной чаше весов радость за сестру с лихвой уравнивали – да, ревность к удачливой новой плюс претензии к бывшему за то, как он быстро утешился. Зато теперь они с Борькой снова друзья. Как когда-то, в до-любовную эру. Да к тому же ещё и родственники! Между прочим, дружба с хорошим рекламистом ещё никакому дизайнеру не помешала. Да и не только бизнесовый интерес тут, они же с Борькой однокашники по универу! Всю жизнь им теперь на тусовках выпускников встречаться, так что дружить, однозначно, лучше, чем шутаться при встрече по разным углам, как это обычно заведено между бывшими.

А Женька не унималась, ушат её красноречия и славословия, кажется, не имел дна. Она, похоже, забыла, что день свадьбы сегодня у неё. По идее, сестра невесты Наташа должна была бы разливаться в поздравлениях и пожеланиях. Но разве можно перепеть, перещебетать этого соловья!

– Ты такая умница, Наташечка! Мама звонила, рассказывала о твоих успехах... Она так гордится тобой! И я тоже, я всегда знала, что у тебя все получится! Надо же, двадцать пять всего, и уже такая карьера – машина, квартира!

Щебетанья не мешали Женьке, пока суд да дело, хлопотать у плиты, порхать вокруг большого разделочного стола. Она кружила по кухне, открывала духовку, пробовала, поворачивала вентиль, закрывала, вытаскивала блюдо из посудомойки, вытирала, смахивала крошки с обеденного стола, поправляла стулья – и всё это ловко, незаметно, все движенья казались выверенными па современного танца. Современного, но очень гармоничного и плавного танца без музыки. Впрочем, музыкой были уже сами её движения. Заворожённая танцем сестры, Наташа, как зомби, вдруг выпалила информацию, которую вообще-то не собиралась делать достоянием общественности:

– Квартира не моя. Её мне фирма предоставила, в кредит. А из зарплаты деньги вычитают. Но, если всё пойдёт так, как сейчас, через пару лет расплачусь. А там у тебя что?

Из духовки доносился такой чарующий аромат, что Наташа, помимо воли, приблизилась, открыла крышку и заглянула внутрь. Ой!

– Да, мясо по-французски, как ты любишь. А машина – тоже в кредит?

Нет, свою машину Наташа купила себе сама. И готова была говорить об этом приобретении часами. Но сейчас на повестке дня оказались Женькины кулинарные шедевры, и машина отодвинулась на задний план. Ну да, Наташа купила себе автомобиль. А вот её сестра Женька – она что же, сама приготовила всё то великолепие гастрономическое, которое гости метали за столом уже который час?

Эх, надо было бы догадаться, принести что-нибудь к праздничному столу. Не только подарок, но еду какую-нибудь. Вкусную. Или приехать помочь заранее. Заранее – но когда? Вчера полночи вкалывала, как Папа Карло. Их агентство готовилось к выставке, времени, как всегда, не хватало. А Женька уже, заметив огорчение на лице сестры, пыталась, как обычно, сгладить ситуацию: и девчонки-то ей помогали, и бытовой техники-то у неё много, все благодарности – блендеру с мультиваркой!

– Я к тому же повар по специальности – не забыла? Ой, а салат ты попробовала? Вот, вот этот, – и Женька полезла в холодильник – большой, двухдверный, мечта хозяйки! Младшая сестричка скрылась в нижней камере по пояс, а если захочет, и с ногами уместится – холодильник размером почти с гардеробную! Наконец, нашла, что искала и, довольная, поставила на стол перед Наташей очередной изыск.

– Угадай, что в нем? Я его сама придумала, честное слово!

Наташа попробовала и попросила ещё. Вот ведь прорва! Когда за столом сидела, уже наелась, кажется, на год вперёд, и вот, поманили аппетитным сочетанием ингредиентов – и снова готова есть вкунятину.

«Хорошо, что я не повар и себе так вкусно каждый день готовить никогда не буду. Так что и в кулинарном кретинизме есть свои плюсы», – подумала она, пытаясь всё же понять, какая именно составляющая придаёт салату такую неизъяснимую прелесть.

– Грецкий орех, кажется, и... не могу уловить. Ах, как вкусно! Грибы, что ли?

– Нет, не грибы. Это – курица с ананасом, а грибной привкус даёт порей, я его в сливочном масле спассировала, и вот! Нравится букет?

Наташа продолжала жевать, одобрительно кивать, причмокивать, всячески давая понять сестре, что она молодец, её салат, да что там – весь стол, вся свадьба удалась, лучше всех, выше всяких похвал! Женька, на что уж скромница, а тут, когда речь зашла о кулинарных талантах, села, подперев лицо рукой, и слушала, слушала похвалы, видно, что было рада. «Как мало человеку нужно для счастья», – подумала Наташа.

– Да что я о ерунде, расскажи, как у тебя, ты-то замуж не собралась? Мама говорила, этот твой босс, Филипп, кажется, и ты...

– Это все устаревшие сведения, – оборвала её Наташа. – Все в прошлом. В моём богатом, не смотря на столь юный возраст, прошлом.

И Женька всё поняла, приготовилась слушать, загорелась. Ещё в детстве у них была традиция: когда Наташа возвращалась с какого-нибудь развесёлого мероприятия, на которое Женька почему-то не попала – болела, или просто не доросла ещё – вечером они устраивались рядышком в своей комнате и Наташа заговорщическим шёпотом рассказывала сестре всё, что там было. Иногда и привирая, и приукрашивая.

Женька, кажется, понимала, что не всё в рассказах сестры – чистая правда, но не обижалась. Ей даже нравилось, так – интереснее, ярче. Как в кино! Детские утренники и праздники на природе плавно переросли в свидания и вписки – уже учась в институте, на каникулах Наташа обязательно устраивала Жене такой сеанс сестринских историй, и не только забавы ради.

Так ведь и женская мудрость передаётся, и опыт, и знания о десятках других людей, с которыми Женьке, при её домоседном и скромном характере, и за всю жизнь не перезнакомиться. В общем, полезное с приятным в одном флаконе!

И сейчас, на новой кухне, в вечер после свадьбы, Наташа увидела по Женькиному лицу, что она готова к новым рассказам. Что же, их есть у меня! Только вот не помешают ли нам беспокойные гости? Да и у тебя, сестричка, сегодня, вроде бы, другие цели и задачи. Того гляди, жених явится, обыскался, небось, басит там, за стенкой: где моя молодая супруга?

Женька хитро подмигнула сестре и скрылась за дверью. В оставленную щель из гостиной доносился на удивление стройный хор, спивавший, конечно же, исконно-посконное «Ой, мороз, мороз!» В генах это у нас записано, что ли? Откуда берется вдруг у подвыпившего русского человека желание голосить про мороз и коня, хотя коней этих уже в глаза никто не видел, кроме как на эко-фермах.

Да и с морозами в эпоху глобального потепления промашка вышла. Но нет, горланят! А, с другой стороны, что еще петь-то? Ну, понятное дело, через пару рюмашек дойдут и до «Кино». Ага, уже: «Белый снег, серый лёд на растрескавшейся земле...» Но, мама дорогая, Цой, конечно, жив, кто же с этим спорит, только он, вообще-то, умер задолго до конца прошлого века. Когда мы еще почти не родились.

Но ничего нового – такого, чтобы знали все, чтобы каждый мог горланить, не тыря слова у всезнайки-гугла – больше как-то не написали. Теперь все поют разное. Большей частью, англоязычное. Что там далеко ходить – посмотрите песенные шоу на ТВ! Даже дети большей частью поют американскую попсу. Которая, без обид, конечно же, лучше нашей. Почему так получается?

Наташа не знала, но понимала, что на свадьбе хочется грянуть единым хором, как единым голосом, родных и друзей. Значит, пока будем петь «Ой, мороз, мороз», или там про Хазбулата удалого. Пока все Мерайю Кэри не выучат, усмехнулась она, представляя, как на свадьбе её дочери, которая родится же когда-нибудь, а после и замуж засобирается, гости дружно заведут One Sweet Day.

Правда, тут же подоспел и «русский перевод», аналог, импортозамещение: те же вымышленные гости, две тысячи какого-нибудь сорокового года, сидят, развалившись в удобных летающих обтекаемых креслах, и наяривают «Самый лучший день приходил вчера!» Тоже неплохо, согласилась Наташа со своим воображением, как раз в тот момент, когда вернулась довольная Женя.

В первую очередь она, конечно же, опять ринулась к духовке и проверила, всё ли там в порядке. Ох, быть тебе мамой-курицей, сестрёнка! Но в духовке всё было о'кей, кусочек мяса на Жениной вилке отделился от целого с лёгкостью невероятной и источал буквально райское благоухание.

– На маленький огонек, пусть доходит, – Женя поделилась радостью с сестрой, как будто тайной о похищенных и найденных сокровищах. – Давай посекретничаем, как раньше. А гости пока прекрасно обходятся без невесты. Там один Борин друг с работы гитару принёс, заказы так и сыплются. На час хватит, наверное. Ну, пожалуйста, Наташечка, я же чувствую, сколько у тебя там всего накопилось!

Наташа встала с кресла, подошла к окну, оперлась двумя руками о подоконник. На чёрный город за окном падали крупные хлопья снега. Не падали – летели, кружились, завихряясь в порывах ветра, жадно заглатывали один кусок черного, свободного от снега пространства, за другим. Жадная зима. Тогда тоже была зима, подумала Наташа, почти год назад... и сказала:

– Почти год назад, *в День Святого Валентина он сделал мне предложение...*

Глава 3

Снег шёл сплошной стеной, и везде его было уже много: на крышах, на машинах, на деревьях, на шапках и воротниках прохожих, задержавшихся на улице чуть дольше, чем нужно, чтобы пробежать несколько метров (в связи с последними парковочными ограничениями – несколько сотен метров) от автомобиля до крыльца ресторана.

Подвезти в ресторан Филиппа Наташа предложила сама, когда в офисе собирались перед выходом: машинка совсем новая, и хозяйка была рада любой возможности вывезти её в свет. Потом она, конечно, привыкнет, уверял Филипп, но пока каждое движение доставляло удовольствие: перевести ручку в состояние «паркинг», вытащить ключ из гнезда, аккуратно захлопнуть дверцу, потом мягко нажать на ручку, чтобы убедиться: «закрывается» и, наконец, кнопка с замочком на брелоке, ответный щелчок – всё, можно идти.

– Филипп, ужасно скользко, подай руку даме! – Наташа до сих пор удивлялась, что об этом Филиппу нужно специально напоминать. По европейской привычке, ее кавалер не был особенно галантным. Цивилизованным дамам не полагалось подавать пальто, открывать перед ними дверь и – да, помогать преодолеть на каблуках каток на тротуаре. А то, не дай бог, тебя сочтут сексистом, считающим, что у женщины сил меньше, чем у тебя, что она сама и с пальто, и с дверью, и с гололёдом не справится.

Наташа пыталась объяснить бой-френду наши, российские взгляды на сей счёт. Получалось плохо: Филипп не планировал оставаться в России навсегда, а, значит, нечего в этом чужом монастыре и устав учить. Но на просьбы откликнулся, вот сейчас руку Наташе протянул, и они двинулись к освещённому крыльцу.

Транспарант, растянутый над улицей, терялся в белом месиве пурги, его было не видно а, скорее, слышно – ветер растягивал его, хлопая с азартом и грохотом пистолетных выстрелов. Услышав такой хлопок, Наташа остановилась, оглядываясь, что это могло издать страшный звук? Тогда и увидела полускрытую снегом полосу ткани, которая, по замыслу хозяев ресторана, должна была обеспечить в этот вечер аншлаг заведению: "Подарите своё сердце любимой в Валентинов День!" и стрелка, указывающая на вход.

Какое-то двусмысленное приглашение, подумала Наташа, как будто любимой бесплатно, на блюдечке с голубой каёмочкой, это сердце, в имбирной панировке, с гарниром из вяленого топинамбура подаст на подносе вышколенный официант. Б-рр, содрогнулась она от картинки, нарисованной её расшалившимся воображением. Эй, ты, погрозила Наташа пальчиком воображению, не слишком-то хулигань, я всё-таки в ресторан иду, в день Святого Валентина. С любимым, как бы, человеком, мне такие ассоциации весёленькие ни к чему! Она сжала руку Филиппа, остановилась и заглянула ему в глаза. Тот удивлённо посмотрел на неё:

– Что за сантименты, дорогая? – но руки не отнял.

– Скользко! – Наташа знала, что утилитарные объяснения всегда действовали на него безотказно.

Приглушенный свет, не ультрасовременная, а, скорее, удобная мебель, мягкие диваны, натуральные тона, негромкая этно-музыка – в зале ресторана всё было под стать Филиппу. Такой стиль, она теперь знала, вполне востребован верхушкой европейского среднего класса. «И наша верхушка тянется за той, так что, Наташенька, актуальные тренды в дизайне прибереги на потом. Когда они перестанут быть остро актуальными, и станут вот такими – достойно-пристойными».

Как ни жаль, Наташа была вынуждена согласиться с доводами Филиппа, когда сама стала разбираться в маркетинге и познакомилась со статистикой предпочтений их потенциальных

клиентов. Ну да, Филипп любил этот ресторан не случайно: вокруг столиков, семьями и парочками, по двое и по четыре, сидели ОНИ. Их потенциальные клиенты.

Даже поход в ресторан с гёрл-френд финансовый гений Филиппа превращал в возможность новых полезных контактов. Мало ли, в туалете с кем-нибудь языками зацепиться придется – и вот, пожалуйста, новый заказ на отделку подмосковного дома и офиса в городском Сити-центре! Вы будете смеяться, но это правда, с подобного заказа, добытого Филиппом по случаю, фирма и поселила её в новой квартирке. Так что над меркантильной озабоченностью босса и, по совместительству, бой-френда, Наташа уже не подтрунивала даже мысленно.

А также перестала называть это качество «меркантильностью». В ее новой профессиональной парадигме ориентация на выгоду из любого положения носила более благозвучные названия, такие, как «прагматизм», «рациональное мышление», «высокая адаптация к рынку» или, на худой конец, «клиентоориентированность».

И она, Наташа Ермакова, вчерашняя студентка факультета дизайна, представлявшая себя, конечно же, скорее художником, чем исполнителем прихотей невежественных заказчиков, теперь знала все эти термины назубок, разбиралась в них как заправский специалист и готовилась получать второе высшее по экономическому профилю.

Оказалось, работа на клиента заводит не меньше, чем испытанное скорее в мечтах, чем в реале, вдохновение и связь с высшими сферами, откуда, как она раньше думала, черпают художники свои образы и идеи. Раньше – может быть, но не сейчас, когда вся эта, скрытая прежде от маглов сокровищница коллективного бессознательного, стала общедоступной: велком, о'кей, гугл!

А вот для того, чтобы ориентироваться во всемирной паутине образов, стилей, жанров, эпох, красок и архетипов, она и стала дизайнером. Чего изволите, дорогой клиент? Барокко? Будет сделано! Фламандский стиль? О, с большим удовольствием! Ах, вас интересует деревенский Прованс? Нет ничего проще, но как вы, однако, изысканы в ваших запросах, мсье!

Ну да, она мечтала, что будет создавать новые, невиданные еще кресла и диваны, оттоманки, которым еще не придумали названия, для раскованных и богатых внутренним содержанием людей, тех, кого не устраивают старые формы. Но сколько этих платёжеспособных неформалов в мире? А сколько тех, до которых может вот так, с полпинка достучаться она, вчерашняя выпускница нестоличного вуза? Нет, всему своё время.

Сейчас она набивает руку и хватку, она работает с клиентами, она учится угадывать то, чего они сами не могут выговорить, объясняет им, чего они хотят, пока они сами еще этого не знают, а под шумок – нет-нет, да и вставит в интерьер свой арт-объект. Лампу. Табурет. Настенное панно. Забавно, но даже тот самый джинсовый диплом она всучила, кажется, второму же в их совместном с Филиппом бизнесе, клиенту.

Пожилему и усталому владельцу компании по производству лако-красочных изделий Наташа предложила вариант дизайна комнаты для подростка. Клиент, к её удивлению, согласился. И подросток, сын, тоже был доволен – Наташа сама видела, с каким интересом пацан разглядывал эскизы, даже пару дельных замечаний вставил, и они были приняты. С такими клиентами любо-дорого работать!

Поток мыслей на профессиональную тему, как всегда, привёл Наташу в хорошее расположение духа. Она с симпатией посмотрела на тех, кто сидел вокруг неё: какие милые лица! Наверняка кто-то из вас скоро станет моим клиентом. Ведь вы проводите День Святого Валентина здесь, в этом элитном заведении, значит, вам по карману и наши услуги! А ведь прав Филипп, нужно будет и в дамской комнате на столике оставить россыпь визиток. И Наташа обратила свой взор, наконец, на своего кавалера.

Филипп полинял. Нет, с костюмом у него было все в порядке, Хьюго Босс, не придерёшься, обуви под столом не видно, но Наташа знала, что там – кожа крокодила, другой Филипп просто не признавал. Даже в нашем непредсказуемом климате.

Филипп здорово слинял по сравнению с тем фантастически прекрасным образом, за который она поначалу его приняла. Увидела мужчину, похожего на объект желания с той видеозаписи и растаяла. Ну да, тот свадебный марш, она да под руку с неземным красавцем-брюнетом, прямо перед мысленным взором стоял, и часу не прошло, как она Филиппа встретила!

«Вот почему я тогда решила, что он похож», – думала Наташа, вполуха слушая Филиппа и исподтишка разглядывала его. За время знакомства – 9 месяцев, родить можно! – как сияющий образ затуманился у неё в памяти, так и реальный Филипп померк в её глазах. У него же волосы с проседью! Да и осталось их не больно-то много, вон, залысины какие! И вот эти складки, прямо борозды, протянувшиеся от крыльев носа к углам губ – какие они тяжёлые, набрякшие! То же и с верхними веками – они нависают над глазами, заслоняя их, превращая глаза в узкие щёлочки!

Господи! Да что со мной такое? Как я могла принять этого пожилого дядьку за моего Принца из ЗАГСа? Что-то общее, конечно, и сейчас просматривалось: овал лица... разворот плеч... крупные черты... Но, увы, прежний флёр развеялся: рядом с ней за столиком сидел, без сомнения, привлекательный мужчина средних лет, полноватый, даже рыхлый, лысеющий и очень мало напоминающий блистательного брюнета. Наваждение прошло, и это не так уж плохо. А что осталось?

«Работа, которую он мне дал, спасибо ему огромное. Да и научил он меня уже много, чему», – Наташа с благодарностью взглянула на ... кем он ей приходится? Для бой-френда, если честно, староват, для любовника – они слишком редко и нерегулярно занимаются сексом, чтобы так его величать.

Филипп уверяет, что простата тут не при чём, всё дело в здоровом образе жизни. Он фанат здорового образа жизни и экономит энергию, не растрачивая сперму попусту. Во как! Про то, что существует диаметрально противоположная школа мысли, которая предписывает сексом заниматься как можно чаще вот именно «для здоровья», Филипп слышать не хотел, приносил Наташе какие-то священные китайские трактаты для даосов, где, по словам Филиппа, всё было чёрным по-белому написано.

Наташа не спорила, считая про себя, что перевод с древне-китайского на английский мог всё перевернуть с ног на голову, но если Филиппу так хочется, то пожалуйста! «Нужно для бизнеса» – для их дуэта эти три слова были священным девизом. Тем более, Филипп не требовал лебединой верности. Ему нужен был не частый, но чистый секс, доверительные отношения с бизнес-партнёром, отбой в 10:30 p.m., чтобы дожить, в идеале, как обещал ему священный даосский текст, лет до ста здоровым, сохранив зубы и волосы.

С зубами всё обстояло хорошо, с волосами – похуже. В общем и целом, партнёрство с Филиппом устраивало Наташу. Выгоды такого альянса были очевидны, минусы выбешивали не слишком, а размениваться по мелочам, перебирая парней помоложе, Наташа не собиралась. Она же знала, как выглядит тот, кто станет её судьбой. Да, она ошиблась, приняв за Принца Филиппа, но больше не совершит подобной ошибки, дождётся своего настоящего жениха с видео из ЗАГСа.

А вот ждать его рядом с Филиппом было очень удобно. По крайней мере, лучше, чем одной. Безопаснее: Филипп очень чистоплотен, и не залетишь от него ни в коем разе, очень он о своей сперме печётся и следит за расходом, ага. Наташа, в принципе, привыкла к обществу Филиппа. Ей не надо было слушать его, чтобы знать, о чём он говорит в настоящий момент. Он умел говорить на разные темы, числом три: первая и главная – оптимизация бизнес-процессов; вторая, но не менее важная – здоровый образ жизни; третья, неизбежная – мама Филиппа и ее собачка чи-хуа-хуа по имени Шанель.

Что касается последнего пункта, то Наташа за глаза уважала неизвестную ей ирландскую мамашу Филиппа: это же так просто, назвать собачку именем самого вожделенного (для ее

пола и возраста) бренда, чтобы иметь полное право по десять раз на дню произносить «Шанель! Шанель!», да еще на разные лады, гордо и ласково, возмущённо и раздражённо, игриво и устало...

Наташа представляла себе и другие варианты использования этого лайф-хака: боксёр по кличке «Адидас»; питбуль «Найк»; хаски «Нокия»; чау-чау «Самсунг» и «Хёндай». Это же классика, во всех учебниках по неймингу написано, что бренд – или кличка – должна легко произноситься и, желательно, уместиться в пару слогов: «Айфон, Айфон, Айфончик, иди сюда, мама даст тебе вкусняшку!» Так что деловая хватка у Филиппа, выходит, врожденная, мамочкины гены.

На мамочкину тему Наташа была согласна. И из-за Шанели, и просто потому что – мама, всё-таки! Гораздо больше досаждали ей две другие. Что касается бизнес-тренинга нон-стопом, то этого добра ей и в конторе хватало. С избытком! Бизнес-тренер из Филиппа хоть куда, надо отдать ему должное, тут ей повезло, но не двадцать четыре же часа в сутки, шесть дней в неделю?

Воскресенье Наташа оставила за собой, так как-то повелось с самого начала их производственного романа, и порядок этот соблюдался строго. Филипп не возражал, конец недели он полностью посвящал себе, любимому: бег в парке, бассейн, иногда – гольф. О, гольф тоже был любимым коньком, да ещё каким, просто Наташа не выделяла его в отдельную тему, а воспринимала как подпункт всё того же здорового образа жизни, будь он неладен!

Конечно, в том, что человек бережно и ответственно относится к своему телу и здоровью, нет ничего плохого. Молодец! Большинству Наташиных соотечественников стоило бы этому поучиться у представителя «цивилизованного» человечества, каковым, безусловно, себя считал Филипп. Он не только выполнял физические упражнения и следил за калориями, нет, до этого доросли уже и почти все без исключения Наташины товарищи по несчастью места и времени рождения. Филипп всё записывал, все показания жизнедеятельности своего организма, а потом докладывал о них каждому, кто зазевался и вовремя не ушёл, сославшись на занятость.

Динамику изменения веса в граммах, статистику сердечного ритма, увеличение нагрузок в килограммах, километрах и литрах. Имеется в виду, конечно, не принятая на грудь жидкость, как подумал бы о себе любой её сосед по планете, а объём грудной клетки Филиппа, в которую с каждым днём входило всё больше и больше кислорода.

Но воспеванием личных рекордов дело не кончалось. В ход шли и долгие нудные лекции о: вреде курения – Наташу угораздило как-то при нём закурить; а также – об оптимальном балансе белков, жиров и углеводов, о распределении калорий по приемам пищи, о том, какие упражнения нужно делать утром, днём или вечером, чтобы укрепить сердечную мышцу...

Ну и, конечно же, не оставался без внимания кислотно-щелочной баланс и уровень сахара в крови. И если вы подумаете, что Наташа привередничала и как ей повезло, что в одном флаконе с мужчиной и боссом ей посчастливилось урвать ещё и фитнес-тренера с диетологом, то попробуйте сначала, а потом говорите.

Жить-то тоже хочется: гонять на автомобиле на высокой скорости, съесть, когда хочешь, мяса, а когда не хочешь мяса то – торт с кремом, выпить пива или чего покрепче, поваляться в выходной в постели подольше, послать куда подальше хотя бы раз в неделю проклятые гантели и кроссовки...

Когда над душой кто-то вечно стоит и тренирует, он, конечно, помогает тебе стать лучше, но ещё и любить его – тяжело. Хотя почему-то бизнес-леди чаще всего крутят романы именно с инструкторами по фитнесу! Парадокс.

Наташа посмотрела в свою тарелку: там одиноко лежал по центру аккуратный брикет какой-то рыбы, а чтобы ему было не очень скучно, вокруг – три листика салата и два брусочка моркови. Еду заказывал, конечно, Филипп. Таким, по его мнению, и должен быть ужин с люби-

мой девушкой в День Святого Валентина. Приятного аппетита! Ну что, пора уже развернуть уши из трубочек и вместо «бла-бла-бла» услышать... Что же на этот раз?

Наташа увидела, что Филипп замолчал и как-то странно посмотрел на неё. Догадался, что она его не слушает? Вообще-то и раньше он замечал, что она отсутствует, присутствуя. Наташе до сих пор удавалось отбояриться недостаточно глубоким знанием его родного языка, и это была не стопроцентная ложь: в личной беседе, увлечшись, Филипп быстро переходил со скомканного русского, минуя бизнес-английский, на трудно воспроизводимый ирландский диалект, который от классического английского отличался как украинский от русского: на слух похоже, но разобрать тяжело.

Но эту отмазку Наташа старалась использовать не слишком часто: стоило ей пожаловаться Филиппу на недостаток каких-нибудь знаний, он с удовольствием включал препода и развивал тему с занудством, вызывавшим следующее Наташино «выпадения».

«Ладно, буду слушать», – сказала себе Наташа. Но прежде, чем услышали её уши, кое-что неладное увидели её глаза, а именно – бархатную бордовую коробочку в форме сердечка, такую же, какую она только сегодня видела в рекламе по телевизору. «Вау, и что теперь делать?»

Наташа понимала, что, при её везенье, в коробочке окажется как раз то, чего она совсем не желает от Филиппа принимать! Вот ведь какая ирония судьбы: миллионы девушек по всему миру сегодня мечтают об этом, и несколько миллионов из тех миллионов так и не получают желаемого, а она, Наташа, получит.

Конечно, можно ещё понадеяться, что в коробочке скрывается что-нибудь другое: серьги, допустим. Или кулон. Или комплект: серьги и колечко. «Не обручальное, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, пусть будет не обручальное, Господи, ну что тебе стоит, я же на твоих глазах так некрасиво поступила, сбежала со свадьбы, обидела хорошего человека, а ты опять за свое, опять хочешь затащить меня под венец не с тем, кого я жду?!»

Филипп, между тем, выдержал паузу и заговорил.

– Наташа! Ты не ошибаешься. Это – то, о чем ты подумала! – он откинул крышку и – да, там лежало именно оно! А Филипп продолжал, довольный собой:

– Я выбирал кольцо почти два месяца – я не хотел покупать ... энисинг ... любое, всякое... Я потратил не только деньги, но и время, тайм из мани, время – деньги... Я рассказываю всё так подробно потому, чтобы ты знала, как серьезно я отношусь к этому шагу.

Вау! Ну что тут скажешь? Наташа от души была благодарна официанту, который не нашёл лучшего времени (умница!), чтобы подойти к их столику и обновить напитки. Бокал шампанского, наполненный предупредительным работником полотенца и подноса, Наташа осушила залпом. И попросила ещё.

Гарсон сделал своё дело, как подобает, молча, посмотрел, не наполнить ли бокал снова? И осведомился, когда подавать горячее. Как, будет ещё и горячее? А это что было? Наташа ковырнула ещё раз вилкой неаппетитный сероватый прямоугольный рыбный стейк. Вот как, значит, Филипп тут, пока она не слушала, огласил всё меню, и ведь в каком-то месте она кивнула.

Интересно, что ей выпадет на этот раз? Кроме, конечно же, уже поданного перед горячим блюдом обручального кольца с... очень даже нестыдным бриллиантом. Наташа усиленно закивала головой: да-да-да, несите горячее, будет хоть чем заняться. А Филипп, дождавшись, чтобы официант ушёл, наклонился к ней и нежно, насколько это было возможно, спросил:

– Дорогая, ты уверена, что не хочешь переменить заказ? Это очень тяжелая пища

Да, она совершенно уверена! Чтобы он не волновался, она погладила его по руке. В сложившихся обстоятельствах это действие было совершенно излишним: жестом она ободрила его, как будто рука её уже сказала «да»! Вот ведь незадача!

Хорошо ещё, что Филипп не торопил с ответом. Он огласил протокол о намерениях и теперь расшифровывал пункты. Наташа стала слушать дальше. Филипп перестал волноваться, и речь его полилась так же плавно, как обычные лекции на любую предложенную тему.

Собственно говоря, дальнейшее и было лекцией о значении брака и семьи в жизни современного цивилизованного человека. Для наглядности Филипп взял коробочку с кольцом и в особенно важных местах взмахивал ей, потрясал, как самым убедительным доводом. «Не вытряс бы кольцо, ищи его потом!» – подумала Наташа, впадая в привычный для их бесед ступор.

– Делая тебе такое предложение, я принимаю на себя обязательства и должен заботиться о твоём здоровье также, как о своём. А для своего здоровья я делаю очень много, ты не можешь отрицать. Да, в моей жизни присутствуют ограничения, без них я не смог бы в свои 48 выглядеть на 35. Ты, конечно, понимаешь, для бизнеса очень важно, как я выгляжу. Я излучаю здоровье и уверенность, и люди с удовольствием отдают мне свои деньги.

Подошел официант и начал составлять с подноса на стол блюда и соусники. Филипп прервал предложение (ещё раз!) и углубился в обсуждение способа приготовления каждого блюда.

Между тем, содержимое его тарелки любого гурмана, да просто голодного человека, вогнало бы в глубокую депрессию: сиротливые кусочки овощей, вареная картошка, бесплотная куриная грудка, своей белизной сливающаяся с цветом тарелки. Ограничения, куда ж без них!

– Это было приготовлено на пару? Я специально оговорил свой заказ по телефону, я беседовал лично с главным поваром, чифом. Я всегда предпринимаю предупредительные шаги, чтобы избежать неприятных...эн эксидент... неожиданностей.

Наташу неприятные неожиданности на этот раз обошли стороной: мясо, запеченное с помидорами, луком, сыром и сладким перцем, было бызупречным.

Официант, наконец, ушёл, и Филипп продолжил с того же места, на котором остановился:

– Я надеюсь, что мой образ жизни окажет на тебя хорошее влияние. Посмотри, вот примерный распорядок, – и распорядок был ей предъявлен, в файлике, наверняка распечатан в трёх экземплярах. «Мог бы и на почту кинуть, чего уж так, по старинке!» – Наташа взяла пластиковый конверт в руки, пробежала глазами план своей будущей жизни. Ну, будущей, если она примет это кольцо, которое до сих пор поблёскивало на бархатной подушечке. – Санди... В семь часов двадцать минут утра – пробежка в парке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.